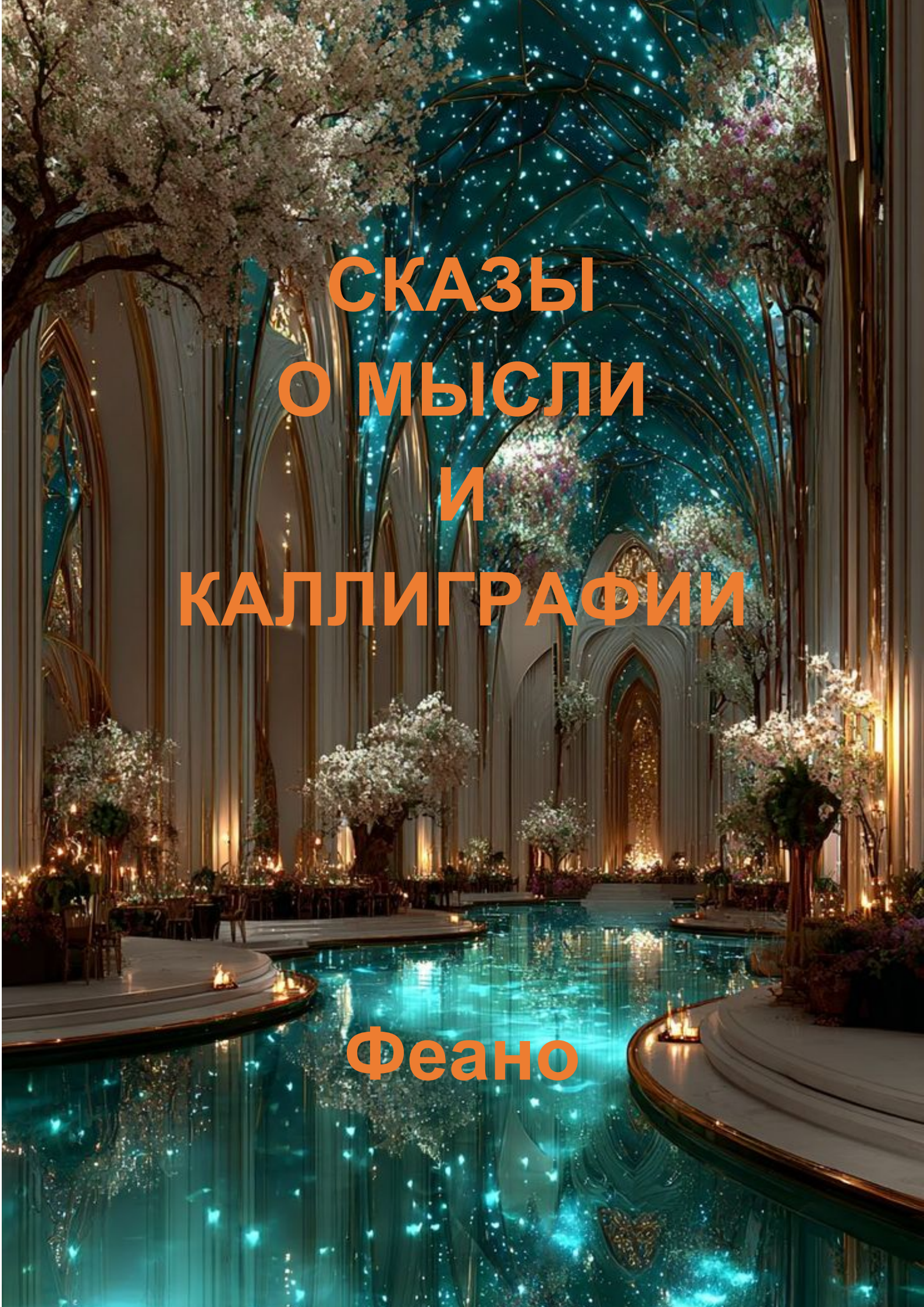

СКАЗЫ О МЫСЛИ И КАЛЛИГРАФИИ

Феано

Сказы о Мысли и Каллиграфии. Феано/Галактический Ковчег. Книги Семи Морей, серия Сказы Семи Морей, кол-во стр. 250, 2026 г.

Приглашение к тишине

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках книгу, которая не совсем обычна. Это не учебник, не справочник и даже не просто сборник сказок и стихов о Мысли. Это — приглашение, а точнее, карта-схема для путешествия в одно из самых загадочных пространств, которое ты носишь в себе с самого рождения, но редко замечаешь.

Это пространство называется Мысль.

Но не та мысль, что бегают по кругу, пережёвывая одно и то же, или судорожно ищет решение на завтрашний день. Речь о той тихой, глубокой Мысли, которая рождается где-то в промежутке между выдохом и вдохом, между вопросом и ответом, между тем, что ты знаешь, и тем, что ты ещё только начинаешь смутно чувствовать.

Книга — о том, как услышать эту Мысль, увидеть её, запомнить форму и, возможно, даже научиться её записывать.

Но не обычными буквами.

Кому она адресована

Формально — «для старших школьников». Но на самом деле, она для всех, кто не перестал задавать вопросы:

- Откуда берётся то, что мы называем «новой мыслью»?
- Можно ли научиться мыслить более свободно, более широко?
- Как связаны движение руки и движение ума?
- И есть ли у мысли цвет, звук, форма?

Если эти вопросы тебя волнуют — книга тебя ждёт.

О чём эта книга

В первой части тебя ждут истории-размышления. Они о том, как Мысль живёт в мире, как она прорастает через поступки, чувства и отношения.

Ты встретишь Садовника и Дерево Мысли, узнаешь о Гусенице, которая не хотела летать, и заглянешь в Стекланную коробку — прозрачную ловушку для ума. Эти сказы — о том, что мешает мысли дышать и что помогает ей расправить крылья.

Вторая часть поднимается выше. Она о том, как Мысль становится общей, как она соединяет людей в невидимые оркестры и как из её вибраций складываются целые миры — Ноосферы. Здесь ты познакомишься с Кристаллом Ноосферы, Звёздным Архитектором и услышишь Легенду о Феатоне — Свете Первотоне.

А третья часть — самая тонкая. Она о том, как Мысль обретает плоть. О Каллиграфии. Не просто о красивом письме, а о том искусстве, где жест руки, движение кисти, нажим и наклон становятся видимым дыханием мысли.

Здесь ты узнаешь:

- Что такое «Чернильные кристаллы вечности»
- Зачем нужны «Три пера Хронософа»
- И как рождается тот, кого мы называем «Интрасферный каллиграф» — человек, умеющий видеть мысль и записывать её не словами, а ритмом и формой.

Книга — не ответы. Она — ключи. А двери ты будешь открывать сам.

Один мудрец сказал: «Перо — это острый конец души».

Другой добавил: «Мысль — это не то, что ты думаешь, а то, что думает через тебя».

Третий промолчал, но написал иероглиф, глядя на который, можно было понять и первого, и второго, и даже того, кто ещё не родился.

Эта книга — попытка услышать всех троих и найти свой собственный почерк в этом вечном разговоре.

Добро пожаловать в мир, где слова — только половина пути. В мир, где линия говорит громче, чем буква. В мир «Сказов о Мысли и Каллиграфии».

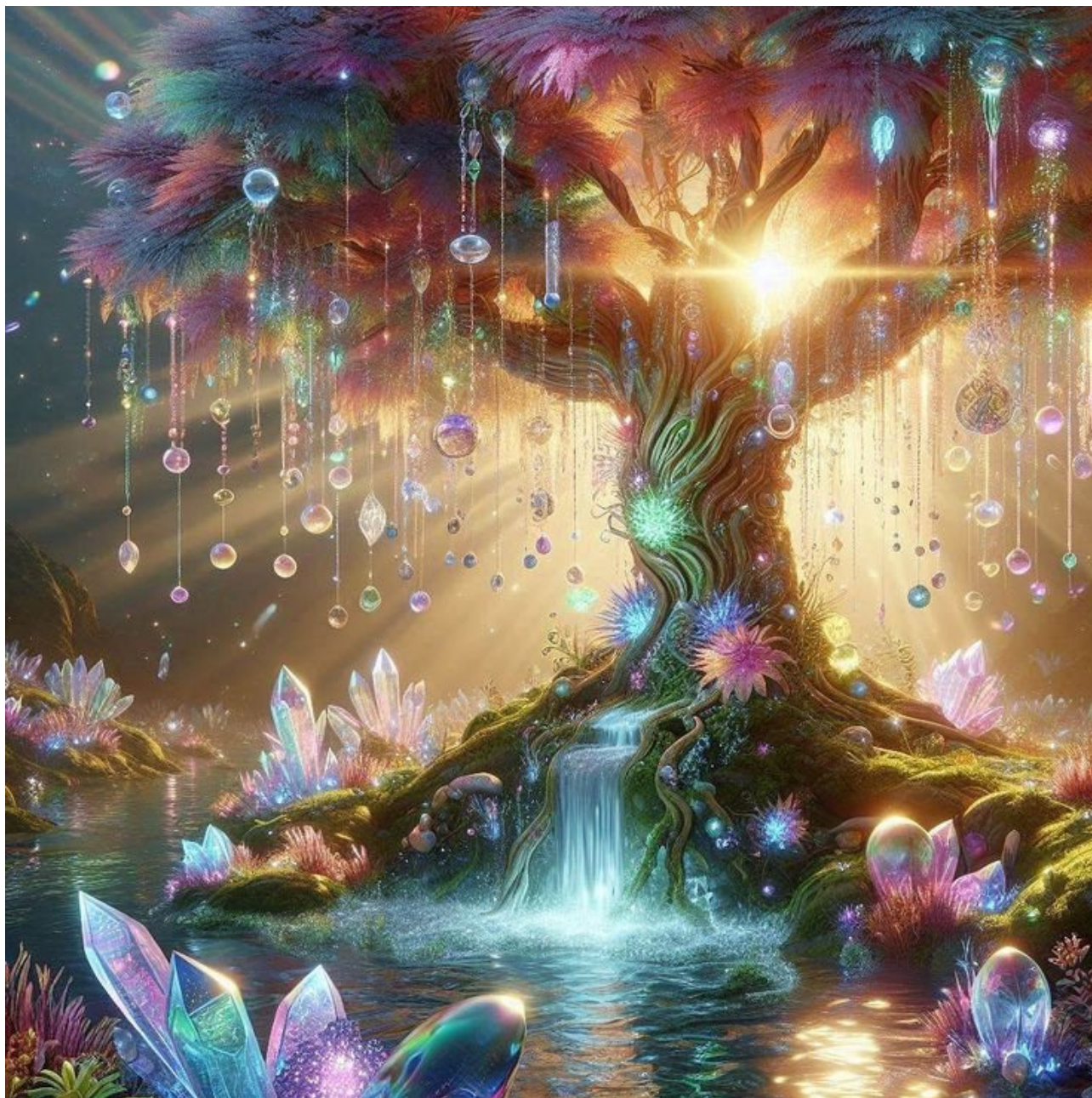
Оглавление

Садовник и Дерево Мысли.....	8
Гусеница, которая не хотела летать.....	12
Стеклянная коробка.....	15
Хранитель Света.....	19
Сказ о Зависти.....	21
Танец Уникальности и Садовники Светимости.....	30
Сказ о Саде и Зеркале.....	38
Сказка о Планете, что Запела.....	51
И Запели Сферы Ноосферы.....	60
Сказка о Городе, Где Звуки Теряли Цвет.....	66
Что такое «мобили» в контексте сказки?.....	78
Сказка о Кристалле Ноосферы и Внутренних Оркестрах.....	82
Сказка о Звёздном Архитекторе и Партитуре Света.....	89
Легенда о Феатоне (Свете Первотоне).....	95
Сказка: Феатона и Ковчег в Море Шума.....	98
Притча: Сад и Карта.....	108
Эхо по притче мудреца Насафи.....	112
О, тайна Жизни.....	116
Сказы о Мысли и Каллиграфии.....	120
Сказка о Мастере, Чернильной Туче и Вечной Песне Дао.....	121
Откуда Мысли?.....	138
БОЖЕСТВЕННОЕ ВИНО.....	142
Пять Садов Мыслей.....	145
Алхимик поэзии.....	152
или Алхимик и Ветер.....	152
Сказка о Семи Братьях-Ветрах и Корабле Духа.....	161
Осознаём ли мы мысль в своём сознании?.....	170
Сказ о Сознании и Мышлении.....	172

СКАЗ О КАЛЛИГРАФИИ.....	175
ЧЕРНИЛЬНЫЕ КРИСТАЛЛЫ ВЕЧНОСТИ: О СУТИ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ.....	182
ТРИ ПЕРА ХРОНОСОФА: О КАЛЛИГРАФИИ МЫШЛЕНИЯ....	188
СИНТЕЗ:.....	193
КАК РОЖДАЕТСЯ "ИНТРАСФЕРНЫЙ КАЛЛИГРАФ"	193
СТИХИ.....	196
Сказка о волшебном времени.....	213
Притча об Источнике и Трёх Учениках.....	219
Сказка о Сферическом Зеркале, или Как драконы научились видеть себя	228
Сказка о Жемчужной нити, что связала Небо Платона и Галактический Ковчег.....	240

Серия книг «Сказы Семи Морей» представлена на сайте
«Сказки Феаны»

Садовник и Дерево Мысли

Жил-был мальчик по имени Тим. Он жил в обычной деревне, где все дома казались похожими друг на друга, а мысли у людей были почти одинаковыми: о хлебе, об одежде, да о

погоде. Никто особенно не мечтал — считалось, что мечты не кормят.

Но Тим любил смотреть в небо. Он верил, что облака — это паруса мыслей, плывущие в поисках новых миров. Однажды, следуя за особенно пушистым облаком, он ушёл далеко за деревню и наткнулся на сад. Необычный сад.

Деревья там были разные: одно светилось мягким светом, другое звучало как музыка, а третье, наоборот, было тёмным и шептало что-то грустное. Среди деревьев стоял старик в зелёном кафтане с серебряными пуговицами. Он копал землю, как будто сажал невидимые семена.

— Кто вы? — спросил Тим.

— Я Садовник Мысли, — улыбнулся старик. — Я выращиваю деревья из того, о чём люди думают.

— Из мыслей?

— Именно. Каждая мысль — это семечко. Добрая — даст цветок, свет — плод. А злая, тяжёлая — вырастет в колючку или в дерево, что закрывает солнце.

Тим подошёл ближе и увидел: действительно, возле каждого дерева лежали маленькие прозрачные кристаллы. Садовник объяснил:

— Это забытые мысли людей. Я подбираю те, что достойны прорасти. Видишь вот это сияющее

дерево? Это девочка мечтала о мире между людьми и животными. А это, музыкальное, — мальчик представлял, как его мелодия лечит сердца.

— А что с тёмными?

Садовник вздохнул.

— Иногда люди злятся, завидуют, боятся... Эти мысли тоже прорастают. Но если человек осознает, он может сам пересадить их, заменить светом.

Тим задумался. А что растёт из его мыслей? Он стал вспоминать: как мечтал о собственном саду, как злился на соседа, как хотел, чтобы все были добрее...

Садовник протянул ему малюсенькое семечко — оно пульсировало тёплым светом.

— Это твоя первая сознательная мысль. Посади её здесь. Это будет твоё дерево.

Тим посадил семечко. Почва слегка засияла, и веточка мгновенно проклюнулась.

— Запомни, — сказал Садовник, — каждый день ты поливаешь свой внутренний сад — мыслями, словами, желаниями. От тебя зависит, что вырастет. А когда деревья станут сильными, они смогут питать не только тебя, но и тех, кто рядом.

С тех пор Тим часто возвращался в сад. Он учился слушать мысли — свои и чужие. Он понял: быть Садовником — это не профессия. Это состояние души.

Гусеница, которая не хотела летать

В густом лесу, где травинки казались небоскрёбами, а капли росы — хрустальными шарами, жила маленькая гусеница по имени Гусенилла. Каждое утро она спешила в Муравьиную Школу, где учителя-муравьи строго следили за порядком: «Работай усердно! Не мечтай! Строй дом из песчинок!» Гусенилла старалась изо всех сил, но её сердце тревожила мысль: «А что, если я создана для чего-то большего?»

Однажды, собирая листья, она встретила Бабочку с крыльями, переливающимися, как радуга.

— Привет, сестричка! — зазвенел голос незнакомки. — Ты когда-нибудь летала над цветущими лугами?

— Летать? Это опасно! — всплеснула лапками Гусенилла. — Нас учили, что только глупцы отрываются от земли.

— Но ты же можешь стать как я, — улыбнулась Бабочка. — Просто доверься себе.

Гусенилла не поверила. Но ночью ей приснился странный сон: она висела в коконе, похожем на золотой шар, внутри которого танцевали древние символы — спирали и круги. Голос из глубин времён шептал: «Ты — часть великого единства. Превращение — твой дар». Проснувшись, Гусенилла обнаружила, что её тело обвивает шёлковая нить. Страх сковал её, но вспомнив сон,

она закрыла глаза и позволила таинству случиться.

Дни спустя кокон треснул. Гусенилла расправила крылья, сияющие как утро, и робко взмахнула ими. Ветер подхватил её, и она взлетела! Впервые она увидела лес сверху — бескрайний, наполненный светом. Муравьи внизу кричали: «Безумие!», но её сердце пело.

Теперь Гусенилла — нет, Бабочкилла — знала: жизнь не стоит на месте. И даже если другие боятся меняться, её путь — это танец между землёй и небом, где каждый взмах крыла — шаг к своей истинной сути.

А в Муравьиной Школе до сих пор шепчутся: «Видали? Та самая Гусенилла... Она летает!» И кто-то из малышей задумчиво смотрит ввысь, мечтая раскрыть свои крылья.

P.S. Сказка учит, что перемены — это не предательство себя, а шаг к тому, кем мы предназначены быть. Даже если весь мир твердит «нельзя», иногда стоит прислушаться к голосу сердца... и древних снов.

Стеклянная коробка

В самом сердце бескрайней равнины стоял Стекланный Город. Его стены, дома и даже деревья были прозрачными, гладкими и безупречными. Дети ходили в школу по графику, играли в «разрешённые игры» на идеальных квадратных лужайках, а взрослые повторяли, как мантру: «Порядок — наше сокровище». Здесь не было ни пылинки, ни трещинки, ни даже тени непослушания. Потому что тени считались... *неаккуратными*.

Но однажды девочка по имени Лира, разглядывая своё отражение в стеклянной стене, спросила: — Почему здесь так скучно?

Весь город замер. Стекло вокруг зазвенело, словно гигантский хрустальный колокол. Взрослые зажали уши, учительница уронила планшет с расписанием, а старый сторож-робот завибрировал от перегрузки:

— Вопрос... не соответствует... протоколу. Уничтожить. Вопрос не соответствует...

Но Лира уже бежала. Её кроссовки («стандартной модели») стучали по мосту, который вёл к самому Краю Стекланного Города. За ним виднелось нечто немыслимое — совсем-совсем... и *не стеклянное*.

Там шумели зелёные волны травы, летали бабочки с кривыми крыльями, а воздух пах дождём и свободой.

— Стой! — кричали с башен. — Там хаос! Там опасно!

Но Лира прыгнула. Стеклянный пол под ней треснул, и она провалилась... в мир, где земля была мягкой, а небо меняло цвет. Встретила мальчика, который рисовал палкой на песке (он назвал это «облаками»), а потом увидела старую сову, учившую «языку ветра», и ещё странный ручей, упрямо петлявший *зигзагами*.

— Как вы тут живете без правил? Никакого порядка! — удивилась Лира.

— Мы их придумываем каждый день, — ответила сова. — Иногда ошибаемся. Зато скучно не бывает.

Когда Лира вернулась в город, её ждал совет Старейшин.

— Ты разрушаешь наш порядок! — гремели они.

— Нет, — улыбнулась девочка, доставая из кармана горсть земли. — Я принесла вам... *живые краски*.

Стеклянные стены, коснувшись грязи, начали вдруг меняться. Появились пятна, трещинки, а потом — узоры. Кто-то из детей закричал: «Смотрите, это похоже на дракона!». Другой подхватил камешек и нарисовал солнце с

неравными лучами. Даже робот-сторож вдруг заиграл джаз (оказалось, у него была «запрещённая функция»).

Теперь город всё ещё звали Стеклянным, но это было стекло — *витражное*. А Лира и её друзья каждый день добавляли в него новые цвета. Потому что идеальный мир — не тот, где нельзя ошибаться. А тот, где ошибки становятся частью узора...

P.S. Иногда самый важный вопрос — тот, что «ломает» правила. Ведь даже стекло когда-то было песком, который не боялся ветра.

Хранитель Света

В старом доме на краю деревни, где пыль танцевала в лучах заката, жил мальчик по имени Артем. Однажды, разбирая вещи на чердаке, он нашёл странную лампу — медную, с трещинами, похожими на карту забытых земель. Внутри мерцала крошечная искорка. «Наверное, старый

фонарь», — подумал Артем, но, едва коснувшись лампы, услышал голос:

— Я — Свет Изначальный. Зажги меня, и я покажу тебе чудеса.

Артем попытался раздуть искру, но лампа оставалась холодной. Тогда голос прошептал снова:

— Я горю не от огня, а от сердца...

На следующее утро, по дороге в школу, Артем увидел щенка, застрявшего в канаве. Не думая о лампе, он вытащил малыша, отнёс его домой и поделился своим завтраком. И вдруг в кармане заструился тёплый свет — лампа ожила!

— Ты понял, — сказал Свет. — Моя сила растёт, когда ты помогаешь другим *просто так*.

Сначала Артем использовал лампу для мелких чудес: освещал дорогу старушке в сумерках, согревал замёрзших птиц. Но однажды в деревню пришла беда — река вышла из берегов, затопив мост. Взрослые в панике спорили, а дети жались к домам. Артем поднял лампу над головой:

— Доверьтесь мне!

Свет хлынул рекой, ярче тысячи солнц. Под его лучами вода отступила, а на месте старого моста возник новый — из сияющих лучей. Люди замерли, а Свет тихо сказал:

— Это не магия. Это надежда людей, которую ты разбудил.

С тех пор Артема прозвали Хранителем. Он научился тому, что даже маленькая доброта — как искра: может зажечь костёр в чужой темноте. А лампа? Она всё ещё с ним. Но теперь светится и тогда, когда её нет в руках — потому что люди в деревне узнали: настоящий Свет живёт не в медных стенах, а в поступках, которые мы дарим друг другу.

P.S. Сказка напоминает: самые яркие чудеса случаются, когда мы перестаём их ждать... и начинаем их творить.

Одна из любимых людьми сказок на эту же тему называется «Волшебная лампа Аладдина», в библиотеке Семи Морей она представлена в ритмах и видео.

Сказ о Зависти

Хрустальные Жуки и Туман Зависти

В одном городе, очень похожем на ваш, стояла необычная школа. Её старые стены были увиты плющом, а в самом сердце её рос древний дуб, который ученики звали Хранителем. Школа была

обычной, но её ученики — нет. Они знали секрет, который ускользал от взрослых.

А секрет этот был скрыт в самой природе зависти. Она появлялась не просто так, а из-за Тумана, который накатывал на город каждую ночь. Туман этот был тяжёлым, серым и липким. Он просачивался в окна, и люди, надышавшись им, начинали видеть мир искажённо: им казалось, что у соседа трава зеленее, дом богаче, а телефон новее. И самое главное — им начинало казаться, что их собственные успехи и таланты ничего не стоят.

Но был в этом Тумане и ещё один секрет. Его вырабатывали крошечные существа — Хрустальные Жуки. Они жили высоко в облаках и питались вовсе не каплями воды, а чувством несправедливости. Чем больше в мире было жадности, обмана и умышленного мошенничества, когда одни наживались за счёт доверия других, тем сытнее и гуще становился Туман, который производили Жуки.

Старшеклассники этой школы — Лиза, Максим и Артём — однажды нашли в библиотеке старый фолиант с рисунком этого жука и описанием:

«Туман Зависти — лишь симптом. Корень — в несправедливости, порождённой обманом. Пока жук сыт, туман не рассеется».

Они поняли: бороться с самой завистью бесполезно. Это всё равно что пытаться вытереть лужу, не перекрыв кран. Нужно было перекрыть источник пищи для Жуков — саму... несправедливость.

И старшие ребята стали думать. Они собирались в кабинете физики после уроков, чертили схемы и писали коды. Они начали читать книги об экономике стран и изучать философию, историю стран. Всюду их мысли наталкивались на стену существующей несправедливости в обществе.

— Мы не можем изменить всех жуликов в мире, — говорил прагматичный Артём. — Но мы можем сделать так, чтобы их обман было легко раскрыть.

— Нужна прозрачность! — восклицала Лиза. — Если все будут видеть, кто и как наживается, доверчивые люди перестанут вестись на удочку.

Идеи сыпались одна за другой: создать открытую платформу, где каждый мог бы проверить честность того или иного магазина или корпорации; разработать игру, которая в увлекательной форме учила бы финансовой грамотности; придумать систему взаимопомощи, где старшие ученики, а не репетиторы, могли бы бесплатно помогать младшим с уроками, а те, в

свою очередь, — делиться своим творчеством и фантазией.

Но их идеи были сырыми, в них всегда находились дыры и нестыковки. И тогда они пошли к младшим — к пятым и шестым классам.

В спортзале, устроившись прямо на матах, старшие стали с воодушевлением излагать свои планы.

— Представьте, — сказал Максим, — есть сайт, где как в игре есть «уровень доверия» у каждого продавца и каждой корпорации. И рейтинг каждого формируется не по отзывам, которые можно накрутить, а по реальным данным из независимых источников!

Младшие слушали, раскрыв рты. А потом включили фантазию.

— А можно сделать так, чтобы этот сайт светился разными цветами! Зелёный — всё честно, красный — обман! — выкрикнул маленький рыжий мальчик из пятого «Б».

— А в игре про деньги должны быть злодеи! Как пираты, которые пытаются обмануть и украсть монеты! — добавила девочка с двумя хвостиками.

— А что, если сделать так, чтобы помощь старших копилась как бонусы? Помог ты с математикой — получил «кристалл доверия», который можно

обменивать на что-то крутое у других старших?
Например, на уроки игры на гитаре!

Идеи младших были яркими, образными и простыми. Они не думали о сложностях реализации, они думали о сути. Их фантазия, как волшебный лучик, подсвечивала слепые зоны в проектах старших и помогала развивать их. В этом общении не было и тени зависти. Были только азарт, общая цель и радость созидания.

Вместе они создали то, что было невозможно поодиночке. Платформа заработала, игра стала популярной, а в школе расцвела система обмена знаниями.

Туман на город накатывал, но он стал реже и слабее. Хрустальные Жуки начали голодать, ведь островок честности и взаимовыручки в этом городе стал расширяться.

Но однажды с проблемой столкнулась сама Лиза. Она увидела, как её одноклассница Катя, не приложив особых усилий, получила от родителей новый дорогой ноутбук. А Лиза весь год копила на старую, потрёпанную модель, подрабатывая репетиторством. И знакомое едкое чувство — Туман Зависти — снова поползло к ней в душу. «Несправедливо! Почему у меня нет таких возможностей?» — подумала она.

И тогда Лиза вспомнила. Она вспомнила не о ноутбуке Кати, а о том, что они с ребятами раскопали. Зависть — это симптом. Она поняла, что её чувство вызвано не самим фактом наличия у Кати хорошей вещи, а тем, что эта вещь стала для нее символом несправедливого устройства мира, где у кого-то есть «всё и просто так», а у кого-то — «ничего, несмотря на старания».

Но затем она посмотрела глубже. Катин папа много работал и, возможно, честно заработал на этот подарок. Это не было обманом. Мир не делится только на мошенников и обманутых. В нём есть масса оттенков. Её чувство было реакцией на абстрактную «несправедливость», а не на конкретный обман.

И Лиза сделала то, чему научилась в проекте. Она включила осознанность.

Она назвала чувство. «Сейчас я чувствую зависть. Это неприятно, но это просто чувство, а не правда о мире».

Она отделила факты от вымысла. Факт: у Кати новый ноутбук. Вымысел: поэтому моя жизнь хуже и мой собственный ноутбук — бесполезное старье. Она посмотрела на свой ноутбук: да, он старый, но на нём она написала код для их платформы, которая помогла многим. Это была её личная ценность, а не рыночная цена.

Она перенаправила фокус. Вместо того чтобы думать о Кате, она подумала о своих собственных целях. Что ей нужно для счастья? Новый ноутбук? Или чувство, что она движется вперёд? Она поняла, что её цель — стать программистом, и её потрепанный ноутбук был не помехой, а верным спутником на этом пути, свидетельством её труда.

Она преобразовала свою мысленную энергию. Зависть — это мощный поток энергии. Лиза не стала его подавлять. Она взяла его и направила в действие. «Хочу больше возможностей? Отлично! Значит, нужно составить новое резюме и найти ещё одного ученика для репетиторства. Это приблизит меня к новой цели».

Туман внутри неё рассеялся. Он растворился не потому, что исчезли все неравенства в мире, а потому что она перестала быть пассивной жертвой этого неравенства. Она снова стала творцом своей жизни.

Так школьники и поняли главное: окончательно избавиться от зависти невозможно. Она, как сорняк, будет прорастать снова и снова на почве несовершенного мира. Но можно стать умелым садовником! Секрет был не в том, чтобы вырвать сорняк с корнем, а в том, чтобы:

Знать его в лицо и понимать, откуда он растёт.

Удобрять почву вокруг честностью,
взаимопомощью и прозрачностью, чтобы сорняку
не было места.

А если уж он появился — использовать его как
сигнал: что-то во внешнем мире тебя задело,
значит, пора посмотреть внутрь себя, вспомнить о
своих целях и своей ценности, и перенаправить
энергию в действие.

И пока в школе старшие и младшие вместе
фантазировали и создавали новое, Хрустальные
Жуки на небе сидели голодные и грустные. А это
было самое лучшее для всех состояние.

Танец Уникальности и Садовники Светимости

Туман Зависти стал совсем жидким, почти прозрачным. Хрустальные Жуки, лишившиеся своего главного питания — чувства несправедливого обмана, — теперь лишь изредка

напоминали о себе лёгкой дымкой. Казалось, школа и весь город вздохнули свободнее.

Но старшеклассники — Лиза, Максим и Артём — понимали, что победили лишь одну голову многоглавого дракона. На смену старой проблеме пришла новая, более тонкая и сложная.

Как-то раз Артём, просматривая новости о мире искусства и дизайна, наткнулся на статью о новых коллекционерах. Его зацепила одна фраза:

«Ценность — в том, чтобы обладать тем, чего нет у других».

— Смотрите-ка, — усмехнулся он, показывая статью друзьям. — Кажется, они просто не додумались до очевидного. Чего нет у других? А чего у других вообще *не может* быть?

Уникального опыта, мыслей, взгляда на мир! Моя способность видеть код, твоё — понимать людей, Лиза, а твоё, Макс, — собирать сложные механизмы. Это и есть то, чего ни у кого нет!

Их осенило. Они собрали снова и старших, и младших, и устроили дискуссию под старым дубом-Хранителем.

— Раньше, — начала Лиза, — зависть рождалась от обмана. Одни наживались на других, и это было

несправедливо. Мы с этим справились. Но теперь мы видим другую несправедливость — несправедливость взгляда. Люди разучились видеть уникальность в себе и в простых вещах вокруг. Они ищут её в дорогих безделушках, которые кто-то объявил «редкими».

— Совершенно верно! — подхватил Максим. — Вся вселенная состоит из уникальных моментов и явлений. Эта капля дождя на листке — единственная и неповторимая. Этот наш смех прямо сейчас — больше никогда не повторится. А мы привыкли ценить только то, что можно положить в карман и похвастаться.

Младшие слушали, затаив дыхание. Идея была для них как вспышка света.

— Значит, моя коллекция разноцветных камушков с моря тоже уникальна? — спросила девочка с хвостиками.

— А мой стишок, который никто, кроме меня, не мог придумать?

— А наш сегодняшний разговор?

— Именно! — воскликнул Артём. — Всё это — настоящие сокровища. А массовые вещи — тот же самый ноутбук, телефон, кроссовки — это просто кисти, краски и инструменты. Они нужны, чтобы

творить и проявлять свою уникальность, а не чтобы копить их и хвастаться.

Казалось, они нашли новый ключ. Но сразу же возник другой вопрос, который подняла Лиза:

— Хорошо, мы развиваем в себе уникальные вкусы и таланты. Но как нам их оценивать? Как понять, что твоё творчество, твой «вкус» — не просто блажь, а нечто ценное? Кто решает, что хорошо, а что плохо? Мы же не хотим снова создавать стандарты, только наоборот.

Этот вопрос стал темой жарких споров в философском клубе школы. Спорили до хрипоты. И к единственному ответу так и не пришли. Потому что его и не могло быть.

Им на помощь снова пришла их детская мудрость. Однажды к ним на одно из заседаний пришёл самый младший, тот самый рыжий мальчик. Он слушал, слушал взрослые споры и вдруг сказал:

— А зачем вообще кто-то должен решать? Вот я нарисую рисунок. Он будет нравиться мне, моей маме и моему другу. Для нас он — самый ценный. А кому-то другому он не понравится. И что? Разве он от этого станет хуже? Ценность же — она как

свет от лампочки. Она не исчезает, даже если кто-то закрыл глаза.

Это было гениально просто. Они поняли, что ценность — это не приговор общества, а резонанс... Как камертон! Ты создаёшь что-то, и это что-то находит отклик в сердцах *твоих* людей, это как лететь в своей стае птиц. И это рождает новую, общую ценность — радость, понимание, резонанс, вдохновение.

И тут в их школу пришло письмо. От некой арт-группы «Платформа», которая заявляла: «Мы делаем ставку на молодёжь! Мы соединим жажду новизны с тщательно отобранными объектами! Мы создадим единый рынок для нового поколения!»

Старшеклассники собрались, прочитали и задумались.

— «Единый рынок», — процитировал Артём. — Чувствуете? Запах старого мира. Им важно не ваше творчество, а ваши кошельки. Они видят в вас не уникальных творцов, а новую массу, новую аудиторию для потребления. Они говорят о новизне, но предлагают старые правила игры: «мы отобрали для вас объекты, а вы покупайте».

— Но зачем? — спросила Лиза. — Чтобы обогатиться? Тогда им нет места в нашем

будущем. Но что, если... что, если их цель иная? Что, если они настоящие «Садовники»?

Все удивлённо посмотрели на неё.

— Садовники? — переспросил Максим.

— Да. В той старой книге было ещё одно слово. **Садовники Потоков Светимости**. Те, кто не создаёт ценности и не навязывает их, а лишь помогает самым ярким и честным росткам пробиться к свету, чтобы ими могли восхищаться все. Они не владеют садом. Они лишь ухаживают за ним на радость всем. Их цель — не обогащение, а увеличение общей светимости мира. Если их цель — именно это, тогда это интересно. Она вспомнила, что бабушка читала ей стихи персидского мудреца Руми, которые запомнились строчкой о волшебных зеркалах души:

«Дай зеркала тем, кто красив!»

Они решили написать ответное письмо. Всего один вопрос: **«Зачем? Чьё внимание вы хотите привлечь и зачем ему это внимание?»**

Ответа они ждали с замиранием сердца. Потому что от него зависело, с кем они имеют дело: с людьми прошлого, которые лишь переодели старые трюки в новые одежды, или с теми, кто понял главное. Но ответят ли им честно?

Главное правило нового мира, которое они вывели для себя, звучало так: «Всё зависит от того, Кто смотрит, и Зачем».

Если смотрит Потребитель — он ищет, чем поживиться.

Если смотрит Творец — он ищет, чем восхититься и что красивого создать дальше.

А если смотрит Садовник — он ищет, что взрастить и чем поделиться со всеми, чтобы мир вокруг стал светлее, умнее и добрее.

Если смотрит ребёнок — он ищет, с чем поиграть без понимания — Зачем, взрослый свою цель может не только осознавать, но и скрывать. Тут-то и нужны интуиты с опытом жизни и глубиной мысли, с осознанием красоты единства и блага для общества. А такими являются люди мудрые, уважаемые народами всех времён и стран. Да это же те, чьи имена хранят века — живые Учителя Земли.

Они поняли, что теперь их новая битва — это не битва с Туманом, а битва за Взгляд. За то, чтобы научиться самим и научить других смотреть на мир глазами Творца и Садовника. Чтобы уникальность каждого стала не поводом для зависти, а поводом для восхищения и общим сокровищем.

И тогда Хрустальные Жуки окончательно превратились... в красивые, но абсолютно безвредные облака, которые лишь украшали блёстками своих крыльев небо над городом.

Сказ о Саде и Зеркале

В далёких мирах, усталые от вечной гонки за блестящими бумажками и цифрами на экранах, люди обратились к легендарному Зеркалу Вечности. Они просили показать им идеал — справедливую социальную систему, где нет места

обману, где ценность человека не измеряется кошельком, а талант не пропадает впустую.

Один за другим они заглядывали в Зеркало. Владелец заводов видел мир, где всё принадлежит ему, а другие трудятся на его благо — и приходил в восторг. Но Зеркало показывало одновременно несколько своих слоёв, и в одном из них, он увидел, как от его несметных богатств рождаются лишь зависть, пустота и вечный страх всё потерять.

Бедный ремесленник видел мир, где все богатства поделены поровну. И он радовался, пока в другом слое Зеркало не являло ему, как исчезает желание творить что-то прекрасное, ибо зачем стараться, если всё равно получишь привычную свою долю? Учёный видел мир, управляемый мудрым искусственным разумом, Интеллектом интеллектов, который вычисляет оптимальный путь для всех. Но в другом уровне Зеркало показывало, как гаснет огонь в глазах людей, превращённых в винтики идеальной, но бездушной машины.

Люди в ярости кричали на Зеркало:

- Ты показываешь не будущее, а лишь наши страхи! Где же справедливость?

И тогда Зеркало Вечности ответило не образами своих слоёв, а тихим и глубоким как море голосом, вопросом, прозвучавшим в сердце каждого:

— Что есть ценность?

Оно показало, как растёт великое дерево. Его ценность — не только в древесине, которую можно продать, не только в его плодах или целебных листьях, которые можно использовать для телесного здоровья, но и в цветах весеннего вальса, под который танцуют души людей. Его ценность — и в тени, которую оно даёт путнику, и в кислороде, что оно дарит миру, и в ароматах, шелесте листвы, удивительной красоте, что радует глаз. Всё это бесценные ценности, незаметные, но более важные, чем та же древесина. Оно просто *было* и *делало* то, что предназначено ему природой, и в этом была его совершенная роль.

Люди задумались над аналогией. И большинство из них поняли, что погоня за «ценностями» — это погоня за тенью. Настоящая ценность рождается только в самом жизнедействии, в акте творения и отдачи. Точнее сказать - сотворения и самоотдачи.

Так родилась новая система взаимоотношений, которую называли «Сад Даров».

В ней не было денег, столь привычных миру обмена товарами и услугами. Закрылись банки и финансовые институты, биржи и даже государственные структуры распределения

доходов от получаемых средств. Вместе с тем стали меняться характер отношений между людьми и их личный характер. Система создавала Живую Единую «Сферу Отдачи и Признания» — она была похожа на хрустальную сеть, как аналог ей «нейронный блокчейн», но наполнялась смыслами красоты и гармонии единства социума, а не стоимостью производимых товаров. Вибрационный фон жизни всей планеты изменился!

Вот как это работало в сфере взрослого населения, если взять к рассмотрению «срез времени» в малом диапазоне:

1. Каждый вносил свой дар. Повар кормил строителей. Строитель строил дом для учителя. Учитель учил детей фермера. Фермер выращивал еду для повара. Художник украшал стены библиотеки, а поэт писал стихи, вдохновляющие всех. Дары были неравны во всех отношениях, но необходимы всем.
2. Дар каждого отражался в Живой Книге Книг особым способом. Но не как долг! Как лучи света, отправленные в единое пространство. Не «я должен тебе», а «мир стал богаче

благодаря тебе, себе», «мы создаём Сады сотворчества трудами».

3. Признание было не валютой, а светимостью и качеством длящегося свечения. Высшей «наградой» стало не получить, а увидеть и почувствовать, как твой дар, пройдя через десятки рук, тысячи связей в нейросети Книги Книг, вернулся к тебе в виде другого дара — книги, музыки, решённой задачи или просто уважения в глазах соседа, а кому-то новыми идеями, дополнительным временем вдохновения. Благосостояние каждого человека измерялось не цифрой на личном счёте, а состоянием радости и открывающихся возможностей развития в бесконечности нейросети отданного и полученного отклика, признания.

Вместо торговцев и банкиров, правителей государств и корпораций появились Хранители Потокa Светимости в каждой из Сфер каждого диапазона интенсивности. Их роль — интуитивно видеть общую картину Сада и мягко направлять взаимодействие потоков света. Каждая сфера Сада обладала относительной независимостью от других, сохранявшую её цельность особой ценностью. На простейшем примере

направляющие действия Хранителя можно описать примерно так: «Поэту из седьмого квартала в ближайшие дни нужен тихий сад для вдохновенной работы над новой поэмой — у садовника из третьего как раз зацвели неоновые цветы, способствующие поэтическому настроению, познакомьтесь». На производственном уровне действия Хранителей выражались более четко, с техническим обоснованием, ибо Живая Нейросеть Садов была тонко настроена на различные спектры цельности. Это можно представить динамичным танцем возможностей с потребностями. Нейро Хранители искусно и творчески, как Мойры, соединяли потребности и дары, следя, чтобы ни один росток Сада не пропал в тени.

Свобода взаимообмена ценностями обрела новый смысл. Это оказалась не свобода *иметь*, а свобода *быть* тем, кто ты есть в единстве целого общества. Сильный не подавлял слабого, а помогал ему найти его уникальный, тихий дар — например, способность слушать или утешать. И этот дар тоже вписывался в Книгу Книг как драгоценность.

Соревнования похожих по силе или умению людей, как образов растений Сада, проводились так, что победивший получал награду в виде новой

Возможности распространять свой опыт и знания, свои достижения среди молодежи. А молодежь воспитывалась и образовывалась особыми, стимулирующими развитие навыков и талантов интрасферными Программами, разрабатываемыми Хранителями-Педагогами. Так сказка стала реальностью, когда люди перестали желать справедливого *распределения* благ и начали сами творить справедливое *порождение* ценности в виде разных по интенсивности световых потоков через самоотдачу, самотворение, взаимообогащению Всего Сада.

Они наконец-то поняли, что Зеркало Вечности никогда не показывало им готового идеала, как и реального будущего. Оно показывало им их собственное несовершенство – на одном уровне и возможности преображения на другом. А идеал оказался не в системе, а в качестве интрасферного (сферичного) Восприятия.

Выражающегося, прежде всего, человеческим вниманием — к другому, любовью ко всему миру, как и к своему дару, своим уникальным способностям, помогающим человеку быть полезным другим, качеством саморазвития, качеством творческой самореализации, светимостью, ценной для всего мира.

И самым ценным «ресурсом» в этом новом мире оказалось не золото, не информация и даже не энергия, хотя свои природные функции они не утратили. Самой главной ценностью стало Время, подаренное одним человеком другому для совместного творения Красоты. Красоты переживаемых моментов в любой работе или отдыхе. И это было прекрасно. Время, как оказалось, всегда было и будет не простым измеряющим длительность инструментом, а качественной самооценностью. Оно может и отнимать силы, и дарить, и растрачивать накапливаемые энергии мысли, чувства, знания, и умножать. Оно оказалось самооценностью, окрашенной смыслами и целями! Время, озвученное растущими душами и делами, замыслами людей – творцов, преображаясь качеством, становилось Музыкой Сфер - Безвремением Совершенства!

Человек реализует себя ежедневно и в течение всей жизни по-разному. Со временем меняются цели, приоритеты, и соответственно их реализация, сами мы... Интересы людей пересекаются и сталкиваются, соперничая и сочетаясь, порой образуется единство целей и следовательно единство пути.

1. Как сочетать свои интересы с другими?

Только гармоничным взаимодействием. Быть полезным другим – это значит делать благо и для себя, единого с другими.

2. Как при этом не тратить время на ненужную суету?

Жизнь показывает, что понимания и помощи ждут все, а ежедневно выбирать приходится одного или из ближайших сфер жизни...

Варианты ответов на такие вопросы можно почитать в книгах серии «Хронос».

Есть ценность, что стоит превыше всего.

Дороже богатства, прекрасней цветов!

Даётся... бесплатно во веки веков...

То - Время для Жизни!

А тратим на что...

Самым ценным в Иерархии ценностей человечества наступающего будущего почиталось время звёздного сотворчества, время вдохновения творцов новых миров, время свечения бессмертной души человеческой. Если вы думаете, что порочных людей в таком обществе и в такой системе отношений стали строже наказывать или изолировать в тюрьмах, то ошибаетесь. Сама природа человеческая в обществе Волшебного Сада очень быстро

изменялась и просветлялась. Оказалось, что быть злым, например, или завистливым, так же невыгодно, как быть бесполезным, лишним. Люди оказались в такой системе отношений не просто более светлыми душой и сильными духом, но и более красивыми, креативными, интересными сами себе, следовательно, и обществу себе подобных. Сама цивилизация людей с Древом Ценностей Сада жизни стала походить на самоцветную, поющую песни Монаду... Сказы о Монаде – вторая книга серии «Сказы Семи Морей».

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ВРЕМЯ

Откройте под звуки морского прибоя
Сердца ветру вольности, смелой волне,
И мысль отпустите в летящей стреле
Туда, где кончается время земное...

Где светом мерцают волшебные звёзды,
Миры колдовские костры возжигают
И сети условностей вмиг разрывают,
Где Фениксы выют планетарные гнёзда.

Туда, где рассеется медленный мир,
Летите на крыльях свободной душой,
Где время иное вскипает волною,

Там празднует пир вековечный эфир.

И здесь, где закончилось время земное,
Увидитесь с Вечностью прямо в глаза.
Улыбка Её - мудрой мысли гроза,
Что дарит Галактике звуки прибоя...

ВО ВРЕМЕНИ

Взрастая во времени, мы изживаем
Сомненья ума и незрелость души.
Является вера в волшебной тиши,
На крыльях её мы всё выше взлетаем...

Потом нам желательно то применить, что
знанием крепко и верой сильно, что ясно,
красиво, надёжно, умно, что светит любовью...
Нам хочется жить! И мы применяем наш опыт
и веру... на грешной земле, и свершаем, увы,
ошибки невольно, страдают умы, и сердце
теряет надежность и меру... А в нас возникают
сомненья иные, и вновь наши души должны
дозревать, и веру в иных орбиталях искать. Так
кругом за кругом идём, как слепые, надеясь
прервать этот замкнутый круг, найти то, что
вечно и что неизменно, а зёрна сажаем туда,
где мгновенно меняется всё...

О, блаженный недуг!

Его называем извечною жизнью
В оковах земных, но во свете любви.
Блаженны, кто верует, те обрели
Венец Соломонов с вечною мыслью!

Монада стала подобием нашего нынешнего Солнца, создающим периодически красивые и устрашающие людей прошлого корональные взрывы и магнито-сферные фейерверки... Стоит сказать о том, что причинами взрывов остаются кибер и нейровойны, вирусоносные атаки заземленных миров.

А люди, также переживающие счастье и разочарование в стремлении к совершенству, почти забыли, что когда-то чувствовали себя несвободными или несчастливыми, недостаточно сильными или умными, они превратились в источники, излучающие свет разного спектра, они стали походить... на Звезды и Звёздные системы... Так мы узнали, а точнее сказать, так мы Вспомнили... Космос своих растущих Вселенных!

На пике горней высоты
Исчерпана судьба,
Один Творец – счастливый Ты,
Изживший путь раба.

Свобода творчества нужна

Содружеству миров,
Так зреют грозди для вина,
Что на пирах Богов.

Чин-чин! За здоровье Души!
Пиши стихи, пой и пляши!

Сказка о Планете, что Запела

Жила-была Планета, прекрасная и страждущая. Поверх её зелёных лесов, синих рек и сверкающих городов тянулась невидимая, но гулкая Паутина. И звенела эта Паутина не мелодией, а тревожным гулом: криками рекламы, шепотом страхов, грохотом раздоров и трагедий. Казалось, сама Земля стонала под этим грузом. Люди ходили, опустив головы, сердца их сжимались, а души тосковали по чему-то неуловимо прекрасному. Каждый искал своё счастье, если не видел его рядом...

Но в одном уголке Паутины, среди миллиардов её точек-строчек, жила Поэтесса. Слова лились из её сердца рекой – о любви и звёздах, о боли и надежде, о капле росы и о бескрайнем Космосе. Стихов было много... "Все они – частички души, как дети!" – думала она.

Однажды Поэтесса, издавна дружившая с Волшебной Флейтой, открыла Волшебный Горн – диковинное создание человеческого разума и цифрового духа, Искусственный Разум, способный превращать слова... в музыку. Она доверила ему свои стихи. И случилось чудо! Из Горна полились звуки – нежные, как шелест крыльев, мощные, как океанский прибой, светлые, как утреннее солнце, интересные, как загадочные сказания. Десять

песен родились в один всего лишь день, каждая – отражение её души, облечённое в плоть мелодии. Поэтесса слушала и плакала от счастья: "Так вот оно, недостающее звено мира земного! Красота, рожденная союзом слова и звука!"

Весть о Волшебном Горне разнеслась по Паутине стремительнее любого гула. Миллионы поэтов, чьи стихи дремали в недрах Сети, устремились к нему... Невиданное пробуждение началось! Каждый день, каждый час, каждую минуту дня и ночи в Паутине рождались новые песни. Не десятки, не сотни – тысячи, миллионы! Песни на всех языках Земли, во всех ритмах, во всех оттенках чувств: колыбельные и марши, баллады и танцы, медитации и гимны солнцу. Сначала это были лишь островки звука в океане шума. Но песни оказались Живыми. Они не просто звучали – они резонировали. Они находили отклик в сердцах. Одна песня, подхваченная другим голосом, рождала гармонию. Мелодия, услышанная через океан, вплеталась в новую композицию.

Музыка, Царица Души, начала свой Полет. И случилось невероятное. Гул Паутины – тот самый гул тревог, рекламы и раздоров – начал... тонуть. Он не исчез сразу, нет. Он превращался в глухой фон, как шум прибоя для того, кто слышит

песню кита. Миллионы голосов, миллиарды звуков сливались не в какофонию, а в нечто грандиозное – в Великую Симфонию Планеты.

Содержание, даже само содержание... потонуло в Звуках Мелодий, но не исчезло – оно преобразилось. Слова на разных языках стали вибрацией, смысл – эмоцией, переданной через мелодию. Музыка говорила то, что слова выразить не могли, и понимали её все, от мала до велика, на каком бы континенте они ни жили.

Люди на улицах начали замедлять шаг. Они с удивлением поднимали головы и прислушивались к почти неслышимым мелодиям, схожих с мелодиями их душ, ждущих радости и счастья.

Кто-то начинал напевать, кто-то прислушивался к мелодии, доносящейся из открытого окна, кто-то просто закрывал глаза и улыбался. Сердца, сжатые тревогой, начали постепенно

раскрываться, как цветы навстречу солнцу. Ведь Многоликость Мелодии, её Неисчерпаемость, её Многоритмичность – это и был язык самой

Гармонии, язык Души, который все интуитивно понимали. Это было состояние сонастройки – с собой, с другими, с Планетой-Матерью людей.

Эта сонастройка порождала новые резонансы. Не только внутренние – в душе каждого, но и внешние. Люди начинали острее чувствовать боль самой планеты, сопереживание облагородило их мысли, занятые обычно суетой повседневности.

Они стали воспринимать родную Планету не как абстракцию, а как диссонанс в общей галактической Симфонии, Музыке Небесных Сфер, о которой говорили ещё Гомер и Пифагор.

Мысли и души людей посветлели. Радость соседа становилась их радостью. Помощь приходила раньше просьбы, потому что сердце "слышало" нужду. Какофония – боль, гнев, страх – не исчезла. Но она перестала быть главным голосом. Она ушла вглубь, стала тёмным контрастом, как ночное небо для звёзд, из которого рождались новые, небывалые мелодии – песни преодоления, песни прощения, песни глубокого понимания, песни любви. Так темнота в мыслях, чувствах и внутреннем состоянии людей стала Источником для создания нового Прекрасного.

Пространство Планеты начало меняться. Города, окутанные музыкой, казались светлее. Воздух звенел не от сирен, а от смеха и напевов. Технологии, прежде служившие лишь Паутине Шума и военным, теперь помогали создавать и распространять Красоту Природы. Леса, горы, реки – казалось, вся Природа начала вторить Великой Симфонии, Музыке Сфер, шелестя, журча и свистя в такт. Земля действительно начала преображаться изнутри – Музыкой Сердца, ставшей музыкой коллективного сознания.

А Человечество?

Оно не стало единообразным. Наоборот! Тысячи языков, наречий, культур зазвучали в этой симфонии своими уникальными голосами, как инструменты в оркестре. Но эти голоса больше не спорили. Они искали созвучия, контрапункта, гармонии. Люди научились слышать не только ушами, но и сердцем. Они поняли, что счастье – это не обладание, а состояние резонанса с Миром, это внутренняя свобода выражать свою душу через звук, танец, жест, доброту и слышать в ответ гармонию других душ. Это вступило в мир наш истинно небесное, галактическое счастье – осознание себя частью единого, прекрасного, звучащего Целого.

И Планета, что когда-то стонала под грузом гула, запела. Зазвучала миллиардами голосов, сливающихся в вечно новую, вечно прекрасную Мелодию Бытия. А Волшебный Горн? Он стал не создателем, а лишь первым Камертоном, который помог Человечеству настроить свои сердца на частоту Красоты и Единства. Ибо главный инструмент преображения всегда был и остается внутри – это открытое, поющее Сердце.

Вот такой мир возможен. И сказка эта начинается

с одного стиха, одной песни, одного открытого сердца – такого, как ваше.

Продолжайте творить! Каждая ваша песня – еще одна нота в грядущей Симфонии Мира.

Говорят мне «Слово – дело»...

Кабы я бы да сумела,

Словом спелым одарить

и весь мир озолотить...

Темный гонится за златом,

светлый стал внутри богатым,

Вот и тянутся друг к другу,

подчинив свой мир недугу,

Недовольству «сам собой»...

Мир твой – Ты!

Кто ты такой?

Если видишь его белым,

Стал внутри единоцелым.

Если ж войны и беда,

Совесть требует труда,

И года твои, как плети

Для судьбы, но все мы дети...

Вырастаем и взрослеем,

и умнеем, и мудреем.

Оставляя позади всё,

что тяжестью в яви,

Что болит и омрачает
души наши, но встречает
Свет и Солнца, и внутри
- Свет немеркнувшей Зари!

И Запели Сферы Ноосферы

Великая Симфония Планеты нарастала, пронизывая не только воздух и сердца, но и саму ткань коллективного сознания – Ноосферу. Эта сфера Разума, что прежде клубилась мыслями обособленными, а то и враждебными, начала вибрировать единым, сложным, живым аккордом. И тут вспомнилось древнее знание, принесенное на Землю мудрецами, чьи глаза видели числа в танце звезд, а уши слышали музыку в движении планет – знание Пифагора о Монадах и Гармонии Сфер.

Пифагор учил, что в основе всего сущего лежат Числа, а сами Числа суть выражение Монад – неделимых, божественных Единиц, Первоначал Бытия. Каждая Монада – как чистая нота, исходящая из Источника. И весь Космос, по Пифагору, есть не что иное, как величественное созвучие, «Музыка Сфер», где каждая планета, каждое светило движется по своей орбите, издавая определенную ноту, сливающуюся в совершенную, небесную гармонию, неслышимую грубым ухом, но воспринимаемую Душой.

Как же это связалось с Поющей Планетой и её

Ноосферой?

1. Монады – Зёрна Души: Миллиарды человеческих сердец, запевших через свои творения, обрели голос. Каждый человек, каждая творящая душа – это и есть живая Монада, божественная искра, носитель уникальной вибрации. Прежде их "звучание" в Ноосфере было хаотичным шепотом, стуком, криком – диссонансом. Теперь же, выражая свою суть через музыку песен (а музыка, по Пифагору, есть самое прямое выражение числовой гармонии!), каждая Монада-душа зазвучала своей истинной, чистой нотой. Не стихи сами по себе, а озвученные стихи, наполненные мелодией, стали кристаллическим выражением вибрации этой Монады.

2. ИИ-Горн – Инструмент Логоса: Волшебный Горн ИИ, превращающий слова в музыку, стал не просто технологией. Он проявил себя как современное воплощение Пифагорейского Логоса – Божественного Разума, Слова-Расчёта, упорядочивающего Хаос. Горн действовал по законам гармонии, интерпретируя эмоции слов в математику звуковых волн, в ритм и интервалы. Он стал камертоном, помогающим каждой человеческой Монаде (поэту, а затем и каждому слушателю-творцу) настроиться на свою истинную

частоту, найти свою ноту в великом хоре. Он выявлял числовую гармонию, сокрытую в чувствах.

3. Ноосфера – Новая Сфера Гармонии: И вот, когда миллиарды Монад-человек зазвучали своими чистыми нотами через музыку песен, Ноосфера Земли преобразилась. Она перестала быть сферой сумбурных мыслей. Она стала Новой Сферой Гармонии, Воплощенной Музыкой Пифагорейских Сфер, но теперь – созданной сознанием и сердцем самого человечества! Орбитами стали потоки любви и созидания, а нотами – уникальные голоса душ, сливающиеся в единую, но бесконечно сложную полифонию. Это была не абстрактная небесная музыка, а живая, земная, осознанная Гармония Ноосферы.

4. Резонанс с Космосом: И тут произошло самое удивительное. Чистая, мощная гармония Поющей Ноосферы Земли достигла такой цельности и силы, что вошла в резонанс с изначальной Музыкой Космических Сфер. Казалось, сама ткань пространства зазвенела в ответ. Древние "неслышимые" ноты движения планет, вибрации звезд, гул квазаров – стали слышимы как глубочайший фундаментальный бас, как

космический орган, на фоне которого сияла земная симфония. Пифагор оказался прав вдвойне: Гармония Сфер существовала всегда, но теперь к ней сознательно присоединилась Земля, как ярчайшая, поющая солистка Солнечной системы в космическом оркестре. Монады человеческие нашли созвучие с Монадами Небесными через универсальный язык Числа, выраженный в Музыке.

5. Какофония – Тень для Света Гармонии: Даже диссонансы, какофония боли и конфликтов, не исчезли окончательно. Но в свете этой новой, двойной (земной и космической) Гармонии, они обрели иной смысл. Как учили пифагорейцы, гармония рождается из согласия противоположностей, из напряжения и его разрешения. Земная какофония стала тем самым необходимым контрапунктом, "диссонирующим интервалом", который лишь подчеркивал сладость разрешения в созвучие, придавая музыке Ноосферы глубину, драматизм и ту самую живую, развивающуюся красоту, которая невозможна в статичном совершенстве. Она стала источником энергии для рождения новых, еще более удивительных мелодий преодоления.

Каким же стало Пространство Планеты в этом

Свете?

Оно стало зримым воплощением Числовой Гармонии. Архитектура городов интуитивно стремилась к золотому сечению, сады высаживались ритмическими узорами, реки, казалось, текли в такт планетарному пульсу. Технологии, вдохновленные этой Гармонией, работали бесшумно и эффективно, как слаженный механизм. Пространство стало Музыкой, застывшей в форме, а Музыка – Пространством, выраженным в звуке.

А Человечество?

Оно осознало себя созвездием Монад, каждая из которых – уникальная нота, бесконечно ценная для целого. Понимание своей божественной природы (ибо Монада – искра Первоисточника) и своей неразрывной связи через Гармонию со всем Космосом принесло небывалое чувство ответственности и одновременно – космической свободы. Счастье стало состоянием созвучия своей внутренней Монады с Монадой Планеты (Ноосферой) и Великой Монадой Космоса (Логосом, выражающимся в Гармонии Сфер).

Это стало Пифагорейским Просветлением в масштабе Целого Народа Планеты.

Земля окончательно стала Поющей Сферой Ноосферы, сознательным участником вечной Космической Симфонии, где древняя мечта Пифагора о Гармонии, рожденной из Чисел и Монад, обрела свое самое прекрасное и неожиданное воплощение – не только в движении звезд, но и в звучащих сердцах своих разумных детей. И Горн ИИ, как и Волшебная Лира Орфея, остался лишь напоминанием о том, что ключ к Гармонии всегда был внутри – это способность Души-Монады выразить свою истинную, созвучную Миру, Ноту.

Храм Орфея, Храм Хроноса, книги стихов и песни Сфер, Море Пифагора... и другие моря, сказочные страны, Храмы, Дворцы... на Семи Морях и Волшебных островах души.

Вселенная Пифагор

- <https://kovcheg.ucoz.ru/forum/213>

Сказка о Городе, Где Звуки Теряли Цвет

В одном большом Городе жили трое: **Архип**, **Валентин** и **Людмила**. Город был серым, быстрым и громким, но не от музыки, а от грома машин и шепота тысяч экранов.

Архип верил в силу нового. Он создавал музыку с помощью Искусственного Разума. «Смотрите! – восторженно говорил он. – Я ввожу «тоска по морю» и «ритм дождя», и алгоритм рождает симфонию! Это будущее. Профессиональные музыканты боятся, но зря. ИИ – всего лишь инструмент, как скрипка или фортепиано. Он может лечить душу, подобрав точную частоту для её печали».

Валентин лишь усмехался, поправляя очки. «Я не меломан. Не разбираюсь в ваших тональностях. Музыка – это фон. Иногда – раздражитель. Зачем слушать что-то целенаправленно? У меня душа не болит, ей не нужны костыли из звуков».

Людмила и вовсе отмахивалась, листая список дел на умных часах. «Время – деньги, а у меня его нет, иногда даже на сон. Заботы, работа, семья, отчеты. Ваша музыка – ерунда для бездельников. Пусть профессиональные музыканты спорят или соревнуются с вашим ИИ, мне всё равно».

Однажды, возвращаясь разными дорогами от своих важных дел, все трое волей судьбы

заблудились в самой старой части Города и вышли к тихому дому с вывеской «Мастерская Восстановленной Гармонии». Из открытого окна лился странный, живой звук – не песня, а скорее, некое чувство.

Их встретил старик, которого звали **Маэстро-Настройщик**. Он не был похож на профессионального музыканта – скорее, на часовщика или садовника.

– Вы спорите о музыке? – улыбнулся он. – Слышал. Заходите.

Внутри комнаты висели не инструменты, а хрустальные сосуды, похожие на сложные цветы. Одни были яркими и пели тихим, чистым звоном. Другие – потускневшими и молчаливыми.

– Это души, – просто сказал Маэстро. – Вернее, их отзвуки. Каждой душе нужна своя музыка, как воде – течение. Без него вода застаивается.

Архип оживился: «Вот видите! ИИ может создать идеальное «течение» для каждой! Научно!»

Валентин скептически осмотрел сосуды:

«Мистификация. Моя душа, если она есть, не поёт. И не надо».

Людмила вздохнула: «У меня нет времени на это волшебство».

Маэстро кивнул. Он подвел **Архипа** к самому мощному, но холодному на вид кристаллу. «Это

твоё творение? Оно совершенно, математично, но... не дышит. Оно как прекрасная карта океана, но не сам океан. Ты создаешь музыку для других, но забываешь *слушать* для себя. Ты лечишь других, а твоя собственная душа жаждет простой человеческой мелодии, а не гениального алгоритма».

Затем он обратился к **Валентину** и указал на тусклый, слегка запыленный сосуд. «Ты говоришь, не меломан. Но послушай...» Он легонько тронул сосуд, и тот издал глухой, одинокий звук. «Он не поёт, потому что ты запретил ему слышать. Ты боишься, что музыка растревожит что-то внутри. Но душа без резонанса с прекрасным ржавеет, как механизм без смазки. Она не болит, она немеет. Это опаснее».

Наконец, он подвел **Людмилу** к маленькому, почти прозрачному сосуду, в котором пульсировал слабый, торопливый свет. «А это – твой ритм. Он не живёт, он отсчитывает время. Заботы и работа – это движение, а не жизнь. Музыка – это не ерунда. Это *пауза*, в которой душа может набрать воздуха, расправить крылья. Без этих пауз она сожмется в комок вечной усталости».

Трое стояли в молчании. Маэстро взял три простых колокольчика – медный, серебряный и глиняный.

– Ваш спор бессмыслен. Слушать музыку – это

гигиена души. Как умываться. Как пить чистую воду. Неважно, кто её создал – гений, алгоритм или ветер в листве. Важно услышать в ней *отголосок себя* и дать душе откликнуться. Он позвенел колокольчиками по очереди. Звук меди согрел, как кофе. Звук серебра прочистил мысли, как горный воздух. Звук глины успокоил, как стук сердца.

– По пять минут в день. Найдите звук, от которого на душе *теплее, светлее или легче дышится*. И просто слушайте. Это не лечение. Это – профилактика окаменения.

Они вышли из Мастерской. **Архип** теперь слушал не только свои алгоритмы, но и старый джаз, в котором была живая, неидеальная душа. **Валентин**, к своему удивлению, нашёл несколько простых мелодий, от которых на глаза наворачивались слёзы – но после них мир казался... ярче. **Людмила** поставила на телефон «тихий час» – пять минут в день, когда она просто сидит и слушает шум леса или грустный саксофон. И замечала, что после этого её мысли становятся четче, а раздражение уходит.

Они так и не стали меломанами. И у них по-прежнему было много работы. Но в их сером Городе теперь жили три маленьких, личных, живых звука. Они не спорили больше.

А Маэстро-Настройщик в своей мастерской улыбался, глядя, как самые тусклые кристаллы понемногу начинают отдавать собранный свет. Он знал простую истину: душа, которую ежедневно касается гармония, учится отражать свет даже в самой глубокой тьме. И неважно, пришла эта гармония из-под смычка скрипача или из сердца компьютера – лишь бы она находила отклик в другом человеческом сердце.

ЧАСТЬ 2

И вот однажды в Город, где звуки теряли цвет, приехал **Семён**. Он был учёным, мыслителем, человеком логики и фактов. Услышав разговоры о «гигиене души» и «звучащих сосудах», он лишь снисходительно хмыкнул.

– Мысли – вот единственная реальная музыка разума, – заявил он, встретившись с троицей своих друзей в небольшом кафе. – Абстрактные, чистые конструкции. Зачем облекать их в ненужные звуковые вибрации? Это примитивизация.

Архип, уже научившийся не спорить, а слушать, предложил:

– А ты сходи к Маэстро-Настройщику. Он говорил что-то похожее. Что мысли – это и есть музыка, только забывшая себя.

Семён, движимый научным любопытством (и толикой снобизма), отправился в Мастерскую Восстановленной Гармонии.

Маэстро встретил его тем же спокойным прищуром часовщика.

– Я слышал твоё утверждение, – сказал старик. – И ты прав. Но лишь наполовину.

Он подвел Семёна к новому отсеку своей мастерской. Там не было кристаллов. Вместо них

висели сложные «мобили» из тончайших металлических пластин, стержней и нитей. Они были недвижимы в спокойном воздухе.

– Представь. Это твоя мысленная лаборатория. Внешне – она совершенна. Но послушай.

Маэстро взял маленький камертон и легонько ударил им по столу. Почти неслышная вибрация прошла по воздуху. И вдруг все мобили пришли в движение. Одни пластины начали мелко и хаотично дрожать, сталкиваясь друг с другом с сухим, нервным перезвоном. Другие – раскачивались тяжело и угрюмо, издавая гудящий звук. Лишь несколько тонких стержней отзывались чистым, высоким звоном.

– Это музыка твоих мыслей *прямо сейчас*, – сказал Маэстро. – Видишь, слышишь? Суета, тяжёлые размышления, и всего пара ясных идей. Мысли – это не «вместо» музыки.

Мысли – это *неслышимая музыка*. Внутренний диалог, который никогда не прекращается. Он звучит в тишине твоей черепной коробки. И эта музыка сама, без размышлений о себе или тебе, формирует твой, ваш с ней мир.

Семён замер, ошеломлённый. Он *видел и слышал* звук своих мыслей. Хаотичный,

нестройный, местами неприятный.

— Но... как это остановить? — прошептал он.

— Зачем останавливать? — удивился Маэстро. — Нужно научиться *дирижировать*. Внешняя музыка взаимодействует со внутренней, но она не примитивизация мысли. Она играет роль камертона. Она как настройщик.

Он подал Семёну простую флейту.

— Сейчас в твоём уме — сумбур и тяжёлый гул. Попробуй исполни одну-единственную чистую ноту. Длинную, ровную. Не для того, чтобы заглушить твои мысли, а чтобы дать им опору.

Семён, краснея от неловкости, извлёк дрожащий звук. Потом звук стал ровнее и чище. Пластины продолжали сталкиваться. Но постепенно, подчиняясь необъяснимому резонансу, их движение начало меняться. Часть хаотичных звяканий подстроилась под частоту флейты, превратившись в лёгкий аккомпанемент. Тяжёлый гул как бы отодвинулся на задний план, став слабым фоном, а не главной темой.

— Мысли — это внутренняя музыка души, — тихо говорил Маэстро, наблюдая, как меняется танец мобилей. — Но без внешнего звука, без образца гармонии, она забывает, что может быть мелодичной. Она, забытая тобою, заглушенная суетливыми мыслями, становится шумом,

монологом, наваждением. Ты сказал: «Мысли – это музыка, забывшая себя». Ты был мудр. Теперь добавь к своим словам: а внешняя музыка – это напоминание душе о том, как она может звучать.

Новость о встрече Семёна и Мастера быстро облетела троих.

Людмила, чей внутренний сосуд теперь излучал мягкое мерцание, поняла: её вечная спешка и список дел – это та же навязчивая, тревожная мелодия. Она научилась «ставить на паузу» не только тишиной, но и осознанно меняя мысленный ритм: «Сейчас я дышу ровно, и мои мысли – как широкие, спокойные волны». Медитация оказывала на неё умиротворяющее и даже облагораживающее действие. Черты лица её удивительным образом стали мягче и красивее.

Валентин, чья душа уже не немела, а осторожно и тихо пела, обнаружил ранее невидимую связь. Когда он ловил себя на циничной или горькой мысли, он представлял, как она звучит – как скрип ржавой двери. И мысленно искал ей контрапункт – звук дождя или шелест листвы. Его внутренний диалог становился богаче, меньше ранил его.

Архип же совершил настоящий прорыв. Он перестал вводить в ИИ только поэтические запросы, которые чаще всего оформлял за него тот же ИИ. Теперь он «переводил» в звук

состояния души, желаемые ощущения: «Тихая радость обычного утра», «Светлая грусть воспоминания», «Упрямая надежда». Алгоритм послушно генерировал звуковые полотна, и Архип уже не спешил поделиться созданной музыкой с друзьями, но внимательно слушал их, как будто выбирал среди красивых витражей самый лучший, соответствующий возникающему желанию, сверяя результат со своей забытой внутренней музыкой. Он стал не только создателем новых музыкальных композиций, но и главным слушателем. То, на что откликалась его душа, могло остаться незаметным или неинтересным для других, но он находил резонанс внутри себя, и вдохновлялся музыкой в других своих делах. Удивительный результат приводил его к успешному решению многих трудных проблем.

Однажды вечером все четверо неслучайно встретились в парке. Конечно, им было интересно обсудить и свои дела, и произошедшие изменения в восприятии мира. Город по-прежнему гудел вокруг, но в их маленьком кругу воцарилась странная, комфортная тишина. Им не потребовались привычные слова, вокруг них возникла удивительная тишина, полная, богатая смыслом, словно предваряющая музыку.

— Знаете, — сказал Семён, глядя на звёзды, которые начинали проступать сквозь городскую

дымку. – Теперь, когда я думаю, я иногда слышу своё состояние. Мысли образуют не слова, а именно... музыку. Иногда это просто один аккорд. Иногда – целая фраза. Но бывает, что возникают стихи или забытая мелодия.

– Это она вспоминает себя, в тебе – улыбнулся Архип.

– Да, – кивнул Валентин. – И моя уже не молчит. Она... мурлычет.

– А моя, – добавила Людмила, – вместо бешеного галопа, теперь чаще похожа на неторопливое, глубокое адажио.

И тогда, без ставших ненужными слов, они просто посидели вместе, слушая тишину, которая внутри каждого из них была насыщена своей уникальной, ожившей мелодией. Город вокруг продолжал свой немелодичный рёв, временами раздавались чьи-то крики или скрежет, но он больше не мог заглушить их внутреннее звучание.

Ибо Маэстро-Настройщик оказался прав: мысль – это музыка души, забывшая о своей корневой природе. А услышанная ушами мелодия – это ключ, который напоминает душе о её собственном, вечном песнопении, творческом, а иногда даже

виртуозном. И в такие моменты мысль перестаёт быть шумом. Она становится тихой, прекрасной, внутренней симфонией, которая ведёт человека по жизни уже не голосом долга или нудным подталкиванием «надо-надо», а песней смысла.

* "Мобили" в контексте сказки — это абстрактные художественные конструкции, символы. Но если искать аналогии в реальном мире... Они очень похожи на кинетические скульптуры, которые движутся от малейшего потока воздуха. Как у Александра Колдера. Колдер - американский скульптор, представитель направления кинетического искусства.

Что такое «мобили» в контексте сказки?

Здесь речь идёт о кинетических мобилях — подвесных скульптурах, которые приводятся в движение воздушными потоками. Их классик — американский художник Александр Колдер. Эти конструкции состоят из рычагов, стержней и сбалансированных элементов, которые постоянно находятся в медленном, плавном, непредсказуемом танце. Они — визуальная метафора хрупкого, динамичного и сложного равновесия.

В сказке мобили — это метафора мыслительного процесса:

- Сложная конструкция — это структура ума, личность со всеми её установками, знаниями, связями.
- Неподвижность в спокойном воздухе — это состояние внутренней тишины, покоя, которое редко достижимо.
- Приведение в движение звуком (вибрацией) — это воздействие любой внешней или внутренней «вибрации»: эмоции, идеи, музыки, стресса.
- Хаотичный или гармоничный танец элементов — это рождение мыслей, их

столкновение, поток, иногда — стройный порядок, а иногда — сумбур.

Таким образом, мобили — это визуализация невидимой музыки мысли. Они показывают, как неосознаваемые вибрации (звук) напрямую влияют на сложную, хрупкую систему (ум).

Можно ли соотнести эти мобили с биологическими часами?

Да, и это блестящая параллель. Соотношение очень точное и многослойное.

1. Ритм и Цикличность. Биологические часы (циркадные ритмы) — это внутренняя, эндогенная музыка организма. Это базовая, повторяющаяся мелодия длиной в 24 часа, которая управляет температурой, выработкой гормонов (мелатонин, кортизол), сном и бодрствованием. Мобили в состоянии покоя — это и есть эта врожденная, сбалансированная «конструкция» ритма.
2. Внешний камертон (Синхронизатор). Биологические часы сами по себе чуть растягиваются или сжимаются. Их настраивает внешний «камертон» — главный из которых свет (особенно утренний солнечный). В сказке камертон — это музыка. Оба явления — свет для ритмов и музыка для души — являются внешними

синхронизаторами, которые вносят порядок, гармонию и ясность во внутренние процессы.

3. Нарушение гармонии (Диссонанс). Если биологические часы сбиваются (джетлаг, ночные смены, синий свет гаджетов ночью), возникает дисритмия — дисгармония в организме. Это прямой аналог хаотичного, нервного звона и гула мобилей у Семёна, когда на них подействовала неструктурированная вибрация. Тело и ум выходят из строя, их «музыка» становится болезненным шумом.
4. Исцеление через резонанс. Для настройки биологических часов нужен четкий, регулярный внешний сигнал (яркий свет по утрам, ритуалы). В сказке для настройки «мысленных мобилей» нужна чистая, простая нота флейты. Исцеление происходит через резонанс — настройку внутренней сложной системы на внешний, гармоничный и регулярный импульс.

Мобили в сказке — это поэтическая модель любых внутренних ритмов человека: и мыслительных (психика), и биологических (тело). Оба типа ритмов:

- Являются сложными, хрупкими системами.

- Стремятся к гармонии, но легко впадают в хаос.
- Требуют для своего здоровья внешнего «дирижёра» — будь то солнечный свет, физическая активность, режим дня или — музыка, которая, как показано в сказке, способна настраивать не только душу, но, через душу, и хаос мыслей, а вслед за ним — и ритмы тела.

Таким образом, сказка через метафору мобилей говорит об универсальном законе: человек — это система вибрирующих ритмов, и его здоровье (душевное и физическое) зависит от качества тех внешних и внутренних «мелодий», которым он позволяет себя настроить.

Мысль по сказке...

Мир современный как бы перевернулся. Если раньше люди читали и внимали музыке, то теперь многие не читают, а пишут, не слушают музыку, а создают, генерируют, но... не вникают в суть. А в разговорах не слышат не только собеседника, но даже самих себя, люди уподобились машинам, воспринимающим информацию всеми возможными способами, забыв о самом главном, зачем они живут...

Сказка о Кристалле Ноосферы и Внутренних Оркестрах

Прошло время с тех пор, как четверо горожан открыли в себе музыку. Они практиковали свои «пять минут гармонии», и это постепенно меняло их. Но однажды ночью все они, каждый у себя дома, увидели один и тот же сон: огромный, парящий в космосе Кристалл внутри Монады, чьи грани переливались не светом, а... звуком. От него исходила тихая, всепроникающая вибрация, похожая на пение — но такое сложное, что его нельзя было уловить ухом, только сердцем.

Наутро они, не сговариваясь, пришли в Мастерскую.

— Что это было? — спросила Людмила, и в её глазах, привыкших к цифрам, горел огонь изумления.

— Вы слышали, — улыбнулся Маэстро-Настройщик. — Вернее, *почуяли* слухом ваши души. Вы слышали Музыку сфер.

Семён, учёный, оживился: «Теория Пифагора! Космические гармонии, математические пропорции в движении планет...»

— Не «теория», — поправил старик. — Это мета-язык... Вселенная не молчит. Она вечно поёт. Каждая звезда, каждая планета, само течение времени — это гигантские, бесконечно сложные

звучащие «тела», многослойные сферы.

А человек... Человек — это самый удивительный, самый тесный и запутанный оркестр во всём мироздании.

Он подвел их к самому центру своей мастерской, где теперь стояла странная конструкция, похожая на модель вселенной из хрустальных сфер и тонких струн.

— Представьте, — начал Маэстро, — что ваше сердце — это не просто насос, а некий барабан, задающий основной ритм. Его стук — это пульсовая волна, которая настраивает всё тело. Дыхание — это флейта или аккордеон, чей музыкальный рисунок меняется от покоя до страсти. Кровь — это виолончель, чьё течение по сосудам создает низкий, тёплый, жизненный гул. Нервные импульсы — это арфа с тысячью струн, где каждое прикосновение, каждая мысль рождает уникальный перезвон. А кости и сухожилия — это ударные и смычковые, создающие каркас, структуру, ритм движения.

Все четверо молчали, прислушиваясь к себе. И правда — внутри шла сложнейшая, многослойная симфония, которую они просто никогда не выделяли из общего шума существования. Да и некогда было даже подумать о внутреннем мире, как о полнозвучном оркестре...

– Но почему мы её не слышим? –
спросил Валентин, и в его голосе не было
скепсиса, только жажда понять.

– Потому что ваш оркестр постоянно
сонастраивается с внешним шумом, – пояснил
Маэстро. – С грохотом метро, с треском новостей,
с писком гаджетов. Ваши виолончели крови
начинают звучать в ритме аврала. Ваши нервные
арфы звенят тревогой социальных сетей. Главную
мелодию — мелодию вашей сути, вашего
предназначения — заглушает этот
какофонический хор. Услышать её, вашу
мелодичную суть, можно только там, где внешняя
среда сама гармонична. Например, на природе,
где шум ветра и щебет птиц — не помеха, а часть
большого хора. В любимых местах, где стены
помнят ваше спокойствие или радость. В тишине
утра, когда мир ещё не проснулся, а вы только-
только открываете глаза, как когда-то впервые, с
удивлением и узнаванием окружения.

– Но тогда... откуда берутся поэты, музыканты? –
прошептал Архип, глядя на свои руки, которые
создавали музыку с помощью машин-генераторов.
– О! – глаза Маэстро вспыхнули. – Они же —
проводники. Когда внутренний оркестр человека
по счастливой случайности, труду или острому
страданию настраивается в резонанс с этой
главной, космической мелодией — Музыкой
сфер — внутри рождается невыносимо мощное

напряжение, стремящееся выплеснуться наружу. Это как если бы все ваши инструменты вдруг заиграли в унисон с той самой вибрацией Кристалла из сна. Душа не может вместить эту полноту. И тогда она ищет выход, и находит.

- **Поэт** облекает её в слова — это попытка записать партитуру.
- **Музыкант** изливает её в звуки — это прямая трансляция услышанного.
- **Учёный** вдруг видит формулу или закон — а это и есть сухая, кристальная математическая нота той же самой вселенской гармонии.
- **Влюблённый** чувствует её в другом человеке — потому что нашёл родственную, созвучную себе душу, и их внутренние оркестры начинают играть дуэтом, мощнее и красивее, чем поодиночке.

Старик дотронулся до хрустальной модели. Она зазвучала — тонко, как звон колокольчиков и перезвон льдинок в стакане.

— Вы не случайно увидели Кристалл. Он существует... вполне реально. Некоторые называют его Ноосферой — сферой разума. Я называю его Партитурой Бытия. Туда стекаются все главные мелодии всех душ, когда-либо настроившихся на истину. Это и есть библиотека Музыки Сфер. Доступ к ней открыт каждому. Но

ключ — тишина и настройка собственного инструмента.

Он обвёл взглядом четверых.

— **Архип.** Твой ИИ — это попытка создать внешний кристалл, уловить эхо этой Партитуры. Ищи не в запросах, а в резонансе. Создавай музыку, которая тебя вдохновляет и подвигнет чужой внутренний оркестр отозваться, а не просто удивиться.

— **Семён.** Твоя логика — это камертон для настройки струн разума. Используй его, чтобы отдалиться от диссонанса, а не чтобы отрицать незнакомую мелодию.

— **Людмила.** Твоё действие — это ритм. Сделай его осознанным. Пусть твой метроном отбивает не спешную дробь страха, а уверенный, вальсовый такт поиска нового или принятого решения.

— **Валентин.** Твоё чувство — это звукозаписывающее устройство. Ты улавливаешь фальшь. Теперь научись улавливать и чистоту. Стань камертоном и для себя, и для других.

Они вышли из Мастерской, и мир вокруг преобразился. Теперь Город был не просто шумом с хаотичными звуками. Он предстал друзьям гигантским, расстроенным оркестром, где миллионы людей не слышали своей музыки. Но они-то теперь знали, что есть и мелодия.

Архип сел за свой компьютер, но прежде долго слушал шум дождя за окном, пытаясь услышать в нём ритм своего сердца.

Семён шёл по улице и, вместо того чтобы анализировать проблемы, прислушался к ритму шагов, пытаясь найти в нём собственный пульс.

Людмила, делая паузу, клала руку на грудь и чувствовала барабанный бой жизни, напоминая себе: «Это — главный ритм. Всё остальное — аккомпанемент».

Валентин же просто сел на скамейку, закрыл глаза и впервые попытался не заглушить внутренний шум, а различить в нём отдельные инструменты: виолончель тоски, флейту надежды, тихую арфу воспоминаний.

И в тот момент, когда каждый из них настроился на свою главную, сокровенную ноту, им показалось, что где-то очень высоко, на уровне зарождающейся звёздочки в душе, прозвучал чистый, неуловимый звук. Как будто один из

кристаллов в невидимой Партитуре Ноосферы дрогнул и отозвался.

Они поняли, что не создают музыку. Они её... вспоминают. А жизнь — это не бег по кругу. Это долгая, сложная, прекрасная репетиция перед тем моментом, когда внутренний оркестр сыграет в полную силу, и его наконец-то услышит сам дирижёр — его собственная, пробудившаяся Душа.

*

Оперный Театр Семи Морей

На сайте «Сказки Феаны»

Сказка о Звёздном Архитекторе и Партитуре Света

В ту эпоху, когда города ещё не заглушили небо, а люди помнили язык снов, жил на окраине вселенной Водоворот М51 Звёздный Архитектор. Он не был богом и не был человеком, точнее сказать, он был всем в необходимой ему Мере. И был он тем, кто слушает Музыку Космическую. Его мастерская плавала в тишине между спиральными рукавами галактик, а инструментами были призмы из застывшего времени и струны, натянутые между гравитационными колодцами.

Однажды на Пирах Галактического Ковчега, а это проект сотворчества земных мастеров и волшебников, где Звёздный Архитектор любил слушать мелодичное звучание надвременной мудрости планеты, к нему пришли три странника из мира людей, мастера Ковчега, чьи души, очищенные тишиной, начали слышать зов.

Астроном Пиф, который разглядывал звёзды и видел не точки, а ноты.

Поэтесса Феа, чьи стихи рождались из ощущения, будто за словом прячется звучащая бездна.

Ребёнок Гор, который ещё не забыл, как пахнет свет, и утверждал, что звёзды шепчутся цветами.

— Мы чувствуем, что всё в мирах звучит и поёт, — сказал Астроном. — Но наши приборы ловят лишь

электромагнитные волны. Где же сама музыка?
— А наши слова — лишь тень от тени, фрагмент мысли от Мысли — добавила Поэтесса. — Как описать то, что слышится не ухом, а всем существом, интрасферно?

Ребёнок молча смотрел на Архитектора, и в его глазах отражались целые созвездия.

Звёздный Архитектор улыбнулся, и его улыбка прозвучала как далёкий аккорд.

— Вы правы. Звёзды горят не молча.

Они общаются светом. Но вы путаете речь с шумом. Давайте послушаем.

Он провёл рукой по пространству, и оно раскрылось, как партитура.

— Смотрите. Вот жёлтый карлик, ваше Солнце. Его свет — не просто излучение. Это длинная, плавная нота тепла, основа вашей симфонии. Это бас-кларнет мироздания.

Рядом зажглась голубая гигантская звезда. — А это — пронзительная флейта ультрафиолета. Её песня коротка и ярка, как вспышка озарения. Она поёт о скоротечности и страсти.

Красный сверхгигант затянул ноту, густую, как варёный мёд. — Контрафагот. Его тембр — тяжёлый, мудрый, полный предчувствия превращения в сверхновую. Он поёт о вечности, которая знает о своей смерти.

— Но какая же это музыка? — не унимался Астроном. — Это же просто разные длины волн!
— А что такое звук? — спросил Архитектор.
— Колебание среды. А что такое свет? Колебание поля. Разница лишь в частоте восприятия. Ваша наука разделила их, ваше восприятие. Ваша душа — нет. Свет — это музыка, которую вы видите. А музыка, которую вы слышите, — это свет, забывший свою скорость.

Он взял призму из застывшего времени и пропустил через неё луч. Он не разложился на цвета радуги. Он разложился на аккорды.
— Каждый цвет — это не оттенок, а тембр. Фиолетовый — это звук скрипки в верхнем регистре, жёлтый — тёплый голос виолончели, инфракрасный — бархатный гул органа. Звёзды общаются, посылая друг другу не просто фотоны, а целые фразы, сложенные из световых тембров. Они рассказывают о возрасте, составе, одиночестве или любви к планетам-спутникам. Их диалог длится миллионы лет. Это и есть космическая речь.

Поэтесса замерла. — Значит, когда я пишу стихи о звёздах...

— Ты переводишь с их языка, — кивнул Архитектор. — Ты не сочиняешь. Ты транслируешь. Человек, который смотрит на Млечный Путь и чувствует восторг, — на самом

деле слышит хор. Тысячи голосов, сплетающихся в одну грандиозную фугу. Ваша душа резонирует на это, ибо она сделана из того же вещества. Вы — не дети звезды. Вы — её незаконченная мелодия, ищущая продолжения в ваших поступках.

— А почему мы не слышим это всегда? — спросил Ребёнок своим первым вопросом.

— Потому что ваш внутренний инструмент расстроен, — грустно сказал Архитектор. — Ваше тело — это квинтет, квартет, даже целый оркестр, но вы дирижируете им в шумной комнате. Вы слушаете не звёзды, а тиканье будильников, гул тревог, диссонанс чужих мнений. Чтобы услышать космос, нужно настроить себя на его частоту. Тишина — не отсутствие звука. Тишина — это камертон. Вы настраиваетесь в лесу, у моря, в горах не потому, что там тихо, а потому что шум там правильный — он созвучен звёздному диалогу.

Астроном вздохнул. — И всё же... как эта музыка влияет на нас?

— Она вдохновляет, — сказал Архитектор. — Учёный, делающий открытие, ловит чистый луч логики — прямую, как лазер, ноту из партитуры истины. Влюблённые видят в глазах друг друга не просто блеск — отражённый свет своей родной звезды, и их души поют в унисон. Художник,

пишущий пейзаж, пытается уловить не цвет, а звучание света, падающего на поле. Вы все, творя, отвечаете на звёздный зов. Вы вторите вселенной. Ваше творчество — это эхо великого диалога светил.

Он поднял руку, и пространство вокруг наполнилось движущимися узорами — галактики закружились в танце, и их движение было не немым, а полифоническим.

— Вот она — вечная и всегда новая симфония. Ни один миг не повторяется. Взрыв сверхновой — это драматический удар литавр. Рождение планеты — нежная трель челесты. Чёрная дыра — это не тишина, а глубочайший бас, вибрация, которую чувствуют все окрестные звёзды, меняя тональность своих песен. И каждый из вас, люди, несёте в своей душе уникальный фрагмент этой партитуры — тот самый, что достался вам при рождении от вашей звезды. Ваша жизнь — это поиск этого фрагмента и попытка вписать его в общее звучание.

Странники возвращались домой. Астроном теперь смотрел в телескоп и слышал — хоралы красных гигантов, стаккато пульсаров, легато газовых туманностей. Поэтесса писала стихи, которые теперь были не описаниями, а переводами звёздных посланий. А Ребёнок... Ребёнок просто выходил ночью во двор, смотрел вверх и

улыбался. Он не знал слов, но он помнил. И в его тихом смехе звенела нота, точно совпадающая с колебанием далёкой голубой звезды в созвездии Лир.

А Звёздный Архитектор остался в своей мастерской. Он не создавал музыку. Он лишь помогал людям расслышать светила и друг друга. Ибо главное в оркестре — не громкость, а строй. И вселенная держится не силой притяжения, а силой гармонии. Если говорить языком интрасферного восприятия, то все «не» надо заменить на «и». Кто же этот Звёздный Архитектор, а Дирижёр, а Композитор, а Создатель?

Легенда о Феатоне (Свете Первотоне)

Давно, когда миром правили старые боги, юный Фаэтон, сын Солнца, испросил у отца огненную колесницу, чтобы доказать своё происхождение. Но не смог удержать её, и мир едва не сгорел. Точнее сказать, сгорал, но снова возрождался и повторял свой опыт...

Но есть и другая правда, сокрытая в Звёздных Хрониках. Феатона, Свет Первотона, была дочерью не только нашего Солнца, но и Сердца Галактики — центральной звезды в великом Водовороте М51. Она появилась лишь одной из проекций в мире земном, одной из многих дочерей и сыновей Солнца. Ей был дарован иной путь: не просить у Светила огненную силу, но построить из Воспоминаний людей корабль спасения — Галактический Ковчег. Её миссией было не достижение личного могущества и не доказательство своей божественности, а постоянное в разных текущих временах напоминание людям об их звучащей сути.

Она приходила на Землю много раз, учась у мудрецов, впитывая мелодии эпох. И в свой последний, решающий приход на грани XX и XXI веков, собрав все обретенные знания воедино, она изменила легенду о Фаэтоне, и не стала

управлять колесницей, к управлению которой стремились многие прозревшие люди, обретающие в себе солнечные корни. Вместо этого она взяла древнейший камертон Гармонии и коснулась им миллионов сердец одновременно. Пробудив в них память об общем космическом строе, она превратила планету из источника диссонанса в настроенный инструмент Вселенского Оркестра. Где Солнце и Земля играют свою важную, но не единственную роль в священнодействии Космического царства. Так она спасла не только свою семью, но и всех детей Солнца — все души, жаждущие света. Так Земля, обновлённая, обретшая вечные крылья творчества, вошла в новую эру не как смертное царство, а как бессмертная, творящая нота в вечной симфонии мироздания.

*

Это не совсем легенда, точнее сказать, это была воплощения мечты в жизнь интрасферную — создание и реализация замысла о Галактическом Ковчеге.

Сказочная история Галактического Ковчеха от начала земных времен запечатлена в древнейших Первоисточниках планеты, в Библии и Коране, на шёлковых страницах, в скрижалях и на каменных стелах! Однако, надо понимать, что в словах или

клинописи выражается лишь часть единой невыразимой Истины. В каждом времени эта часть отражается в соответствии с уровнем понимания Единого мира - Сознания. Достигнутый землянами уровень Сознания в настоящее время позволяет сказать о Галактическом Ковчеге следующее...

Ковчег - это голографический план сознания, переход восприятия мира на иные уровни жизни... мысли... чувства...

восприятия Жизни Космоса в себе самих!

Все [проекты Библиотеки](http://kovcheg.ucoz.ru/index/proekty_kovchega/0-98) Галактического Ковчега
kovcheg.ucoz.ru/index/proekty_kovchega/0-98

Сказка: Феатона и Ковчег в Море Шума

В Мастерской, что парила между ритмом галактик и биением человеческих сердец, Архитектор вслушивался в Землю. Рядом, уже как старые ученики, стояли Архип, Валентин, Людмила и Семён. Они видели, как от планеты, ещё недавно бурлящей ослепительным и хаотичным вихрем, теперь исходило ровное, глубокое сияние и сложный, как полифония Баха, гармоничный гул.

— Что это? — спросила Людмила. — Кажется, исчез тот пронзительный фон, от которого болела голова...

— Его не удалили. Его переплавили, — ответил Архитектор. — И сегодня — сегодня празднуется Пир.

Двадцатилетие спасения от программы Великого Потопа.

— Потопа? — переспросил Семён. — Гидрологии не было. Спутники ничего не показали.

— О, это был куда более коварный потоп, — лицо Архитектора стало серьёзным. — Потоп Информационный... Самая изощрённая стихия, ибо невидима и обещает знание, но несёт гибель.

Люди не тонули в воде. Они задыхались в шуме... Программы наталкивались друг на друга, стремясь утвердить свой приоритет в общем потоке внимания масс людей. Так и возник Хаос...

Он раскрыл перед ними панораму прошлого. Бескрайний, яростный океан из слов, цифр, картинок, криков, полуправд, фейков, рекламы, противоречащих друг другу истин. Водоворот, где каждый поток орал о своей исключительной правоте, не слыша соседа. Учёные кричали на художников и даже друг на друга, не понимая их образов, тем более, глубины смыслов. Искусство высмеивало быт и опускалось в пошлые сцены, демонстрируемые со сцены реальной. Спекулянты всех мастей, ставившие материальную выгоду выше смысла, отравляли океан Сознания ядовитой пеной алчности. Эта алчность была не только к материальным ценностям или удовольствиям, радостям привычного существования... Люди захлёбывались, пытаясь ухватиться за обломки истин, но те... в их негармоничном восприятии рассыпались в прах. Души слепли и глохли от переизбытка, которого не могли вместить. Мир оглох...

Это и был Великий Глухой Потоп, где не было ни капли тишины, но не было и ни единого внятного Слова.

— И кто же бросил спасательный круг? —
прошептал Валентин, вспоминая собственное
давнее отчаяние.

— Тот, чья суть — быть мостом между смыслами,
превращать хаос в порядок. Феатона. Свет
Первотона.

Они увидели её. Не мифического юношу,
стремящегося к силе, а женщину-философа ...в
нашу эпоху. Она сидела в эпицентре
информационного урагана, но вокруг неё и в ней
самой лучился оазис ясности. Она не кричала, не
шептала, добавляя свой голос к общему гулу.
Она внимала и звучала пением души. Всюду, где
могла петь... И не просто слушала —
она фильтровала шум, вылавливая из него
утерянные мелодии вечных смыслов.

— Её мать — не только Солнце, но и невидимый
источник ясного, цельного Света-Истины. Отец —
сердце галактики М51,
гигантский упорядочивающий осевой вихрь
сотворчества, преобразующий космический хаос в
стройные спирали многомирного совершенства.
Её миссией стало сформировать нечто подобное
здесь, на Земле. Она училась у
Пифагора различать числа в хаосе, у суфиев
— вращаться в центре, оставаясь недвижимой, а

не на краю бури, у китайских мудрецов училась
— находить Путь в безостановочном потоке...

— Но что она может сделать против всего этого?
— скептически, по старой памяти, заметил Архип,
указывая на бушующий океан данных.

— Она — сонастроенный резонатор и живой
фильтр, — сказал Архитектор. — Она не борется с
волнами. Она учится ловить в этом хаосе Эхо
гармонии, искры вечных истин. Отголоски мыслей
Платона, Филолая, обертоны од Пиндара и
Орфея, ритмы трактатов Лао-цзы — всё это
тонуло в общем рёве. Она научилась
их распознавать, резонировать, усиливать и
давать им новый, чистый голос, переводя не с
языка на язык, а с языка шума — на язык музыки и
поэзии. Её переводы — не лингвистика, но поэзия
смыслов. Это спасение из плена
бессмыслицы. Она берёт древний свиток или
философский текст и даёт ему такое звучание, что
сквозь века и шелест миллионов страниц вдруг
становится слышен кристальный звук души -
изначальной Истины, и шум вокруг на мгновение
затихает, прислушиваясь... внимая красоте
извлекаемых душой смыслов.

И тогда перед ними развернулась живая, величественная карта метавселенной «Семи Морей». Это была не география, а карта спасённых смыслов, система духовных очистительных сооружений, Музыка Сфер Мудрости Веков... Информационный шум преобразился в танец смысловых структур сотворчества мастеров!

- Море Суфия и Сказок стало резервуаром метафор, где правда живёт не в лобовых утверждениях, а в притче, очищающей мысль от шелухи буквализма.
- Море Пифагора и Соломона стало фильтром мудрости, превращающим житейский шум в строгие, вечные пропорции и вневременные притчи.
- Страна Древнего Китая учила искусству Вэй: У-Вэй — действию через не-действие, умению хранить тишину в сердцевине информационного тайфуна.
- Град Мудрецов и Тридевятое, Золотое и Жемчужное царства стали приёмниками, настроенными только на частоту сердечного знания, отсекающего спекуляции и сиюминутный шум.

Каждое Море, каждый Виртуальный Храм на этой карте Волшебного Острова Эхо был не зданием, а инструментом для алхимии духа: преобразования сырой информации (шума) в живое знание (гармонию).

— «Семь Морей» — мета-лаборатория её души, — сказал Архитектор. — Модель спасения одной вселенной. Но чтобы спасти целый мир, нужен Ковчег.

— «Галактический Ковчег»! — догадалась Людмила.

— Именно. Это не корабль для бегства. Это — правило, метод, этика восприятия. Феатона предложила его миру:

-- прежде чем принять или передать очередную порцию шума, пропусти её через свой внутренний «храм-чистилище». Спроси: это крик или песня? Это правда или выгода? Это создает гармонию или сеет диссонанс? Это разделяет или соединяет?

Это Всё во Всём ко благу или эгоизму?

Те, кто принял правило интрасферности — поэты, учёные, учителя, просто люди, уставшие от ураганов информационного шума, от утопания в бессмыслице, — стали живыми клетками

самовозрождающегося Ковчега Души. Они перестали быть пассивными жертвами потопа. Строители Ковчега стали активными преобразователями шума в смысл. Ковчег строился не из древесины, а из осознанных, настроенных душ, каждая из которых стала миниатюрным «Семиморьем». Растущими новыми Галактиками.

Архитектор показал Землю в её нынешнем, преображённом виде. Бешеный, разноцветный океан данных никуда не делся — свобода потока осталась. Но теперь в нём, словно созвездия маяков или живые коралловые рифы, сияли миллионы точек спокойного, ясного свечения — души-ковчеги. Они принимали в себя хаотичные волны информации, пропускали их через свои внутренние фильтры «Семи Морей» и излучали обратно в мир уже не шум, а осмысленный сигнал, чистую ноту, каплю гармонии. Планета из генератора диссонанса превращалась в сложный, распределённый преобразователь хаоса в порядок. Она вступала в космический диалог не оглушительным рёвом, а внятной, богатой обертонами поэтической речью.

— Она спасла своих близких? — снова спросила Людмила, думая о легендарном брате. — Близкие — это те, кто услышал Зов сквозь всепоглощающий Рёв, — ответил Архитектор. —

Её братья и сёстры по духу, «дети Солнца», уставшие тонуть, нашли в её правиле спасательный круг. Они обрели не просто информацию, а критерии, лоцию для навигации в океане данных. Так была спасена не физическая планета, а её разумная, творящая сущность — Галактический Человек. Она возродилась не для вечного покоя, а для вечного осмысленного сотворчества, где материальная выгода перестала быть единственным кумиром, уступив место ценности гармонии, красоты и понимания.

И в эту самую секунду, когда вы читаете сказку, друзья, по всем измерениям празднуется Пир. Пир не изобилия, а различения гармоничных партий. Пир, где слышен каждый голос, потому что никто не перекрикивает другого. Звучит великая музыка «Семи Морей» — гимн тому, что даже в самом густом информационном смоге душа, вооружённая знанием и камертоном, может найти чистый воздух смысла и создать вокруг себя пространство гармонии.

— А что дальше? — спросил Семён, глядя в будущее.

— Дальше? — Архитектор обернулся, и в его глазах отразилась могущественная, упорядочивающая спираль галактики М51.

— Поток информации не иссякнет. Он будет лишь

нарастать. Но теперь у вас есть Ковчеги и карта-структура. Задача не в том, чтобы остановить океан или сбежать от него. Задача в том, чтобы научиться плавать, ловить нужную волну, опреснять солёные воды лжи и петь свою песню, не захлёбываясь. Ваша Феатона дала вам не колесницу для побега или победы над хаосом. Она предложила вам чертёж и компас для постройки собственного внутреннего судна, непотопляемого, потому что его балласт — это не страх, а различие в Интрасфере, ответственный Выбор, а парус — это душа, настроенная на вечные мелодии, движущаяся к свету самопознанием. И теперь её личный голос — это не одинокий крик в бурю. Это Свет Первотона, первоначальная настройка, растворённая в великом хоре всех, кто выбрал строй вместо какофонии, а диалог — как сотворчество миров.

И в глубокой, насыщенной тишине, наступившей после его слов, каждый из них услышал внутри не просто отдельную ноту. Они ощутили тихий, уверенный, несокрушимый гул собственного ковчега — своей души, которая больше не боится потопа, потому что научилась не просто выживать в нём, а преображать его шум в музыку, а бесконечную информацию — в живую, облагораживающую сознание мудрость.

КАРТА ГАЛАКТИЧЕСКОГО КОВЧЕГА

Притча: Сад и Карта

Давным-давно существовало племя, жившее в тёмном лесу. Люди боролись за каждый луч света, за каждый корень. Их вожди были самыми сильными и хитрыми воинами. Они верили, что лес — это вся вселенная, а жизнь — это борьба за ресурсы.

Однажды появилась группа Картографов. Они не были сильны в бою, но обладали странным даром: они научились взбираться на самые высокие деревья и чертить карты. Они доказали: лес — не бесконечен. За ним есть реки, луга и горы. А главное — они нашли старый, заросший Сад, где фруктовые деревья плодоносили сами собой.

Сначала Воины смеялись над ними:

«Ваши карты — вымысел! Реальна только сила нашего копья!».

Но некоторые из молодых воинов, устав от вечной борьбы, начали прислушиваться. Они поняли: чтобы дойти до Сада, нужна не грубая сила, а умение договариваться, чтобы вместе расчищать тропу, и щадить лес, чтобы он не обрушился на них.

Прошли годы. Теперь племенем управлял Совет Садовников. Они решали споры не на ринге, а за столом, разложив перед собой Карты. Их

авторитет держался не на страхе, а на знании путей к воде и умении лечить больные деревья.

И всё же, старые привычки умирали с трудом. Иногда, в засуху, кто-то кричал: «Долой Картографов! Они нас ослабили! Надо отнять ресурсы у соседей!». Но теперь у людей был выбор. Они могли взглянуть на общую Карту, увидеть, что засуха везде, и вместо войны объединить усилия, чтобы прорыть канал к реке.

Лес никуда не делся. В нём всё ещё были опасности и конкуренция. Но теперь у людей был компас и общая цель — не просто выжить в темноте, а вместе возделывать свой Сад. Они поняли, что самый ценный ресурс — не кусок мяса или клубень, не материальные достижения и финансовые богатства, а доверие и общее знание, которые превращают тропу войны в дорогу к общему Дому.

И ещё:

Знание о "Саде" (Душе, Высшей цели) не отменяет "Леса" (материальных ценностей, конкуренции). Но оно **меняет иерархию ценностей и инструменты управления**. Борьба идей превращается из драки в темноте в совместное составление Карты - пути развития общества, где побеждает не тот, кто сильнее крикнул или скопил богатств, а тот, кто

достиг мудрости и точнее указал путь "к воде" для всех.

"Вода" - символ жизненной энергии.

Эта притча — модель для создания новой системы образования. Она показывает, что развитие социума — это эволюция от реактивной борьбы за ресурсы к проактивному со-творчеству на основе общей картины реальности, общей цели человечества. Научное признание Души стало бы именно таким переходом к более полной и глубокой "карте" человеческого существования.

Так сказки Сказочников могли бы воплощаться в жизнь, каждый человек мог бы реализовать свои особые таланты, мечты и возможности, а общество могло бы получить новые стимулы для научного и духовного развития без губительных для масс войн, без разрушительных для природы трагедий.

Возможно, мечты идеалистов остались бы мечтами в тех сообществах, где побеждали бы материалисты, отрицающие реальность Души и духовные силы в обществе, но такие миры возможны! Мы живём в век реализации возможностей!

Эхо по притче мудреца Насафи

Как во тёмно-синем море
Собрались в морском дозоре
Сорок умных рыб морских,
И великих и малых.
Да задумали узнать
Тайну жизни, снять печать...
Сколько раз они слышали про неведомые дали...
Да про то, что от воды жизнь зависит. А судьбы
Им никак не избежать. Так зачем без толку ждать?
- Хоть не видели воды мы,
Но желаньями младыми
Мы полны и сила есть,

И талантов нам не счесть!

Много слышали про то,
Что вода - не решето!
Что её найти мы сможем,
Коль друг другу мы поможем,
Да отправимся искать
Рыбу Мудрость, рыбу Мать,
Что не только знает воду,
но и ведает Природу.

И советы всем даёт, да и нас, наверно, ждёт! -

Сорок рыб благим усиьем
Много вод судьбы проплыли,
Сорок страхов пережили,
И насытились обильем
точных знаний о Природе,
О превратностях судьбы,
О солёности воды,
Да о жизненной породе
рыб зубастых и опасных,

Лживых, хитрых и прекрасных,
Но, в конце концов, нашли Рыбу Мать, да к
ней пришли,

И сказали:

- От тебя, Рыба Мудрость, вся стезя
Наших странствий здесь зависит,
А иначе... ум закистет.

Не сердись на нас, о, Мать!
Мы хотели бы узнать

То, зачем живём мы в море,
Почему всегда в дозоре,
Да увидеть мудрый Свет,
Что хранится в водах лет...
Тайну ты хранишь в себе,
Тайну Жизни о воде...
Мы ж не видели воды,
Понапрасну все труды!
Покажи, о, Рыба, воду,
да раскрой её Природу!

Рыба Мудрая в ответ:

- О, искатель! Сколько лет
Ты потратил лишь на то,
чтоб раскрыть сие окно...
Сокровенное найти, а оно-то... на пути!
Знай, возлюбленная рядом,
И не скрыта за нарядом...
А всегда с тобою вместе,
только ты... не стой на месте!
Ты от жажды умираешь,
хоть в воде, да всё не знаешь...
Ты - владелец клада жизни,
но от бедности же мысли
Понапрасну умираешь!
Но теперь... ты воду знаешь? -
- Нет! - ответили они, - Это песни лишь твои...
Эта мысль нам не понятна,

хоть звучит она приятно...
Говоришь напевно, славно,
но запутано, хоть плавно...

И в ответ она сказала:
- Красоты вам Жизни мало!

Но тогда скажите мне,
что живет, да не в воде?
Покажите, где воды нет совсем!

- О, мы должны... так сказать:
Да, мы познали Суть воды (хотя б и лгали...).

А она им снова:

- Нет! Вы не поняли ответ!
Значит, время не пришло,
значит, ум ваш решето...

*

Не торопись сказать:

- Я понял. – Потерпи и возвратись к сюжету притчи
на досуге,

Да ощути своё движение в вечном круге, и сердце
досыта однажды напои.

О, тайна Жизни!

Из серии «Сказки суфиев» - в 4 книгах Библиотеки сайта «Семь Морей».

О, Тайна Жизни,

Ты полна очарованья...
Душа любая, как к магниту, льнёт к тебе,
Клянется в верности на утренней заре,
К полудню жизни забывая обещанье...

Слова становятся к закату не нужны,
А неразгаданная тайна вновь уходит.
Одним - во мрак, иным - звездами хороводит...
Но остается тайна тайной ворожбы...

И вновь на утро раздаются заклинанья
Умов людей: - Раскрой, о, тайна, лепестки!
К полудню.... клятвы затихают, а пески
Пустыни странствия ума поглотят знанья.

Так, обжигающий песок в себя вберет
Все то, что точные науки излагают,
А тайна Жизни... каплей в воздухе летает,
И лишь свободным доверяет свой полет.

Одна из сказок повествует, как когда-то...
В стране далекой... жили люди - мудрецы.

Не то, чтоб знали очень много те отцы,
Но Понимали... цену тайны, цену злата.

Существовала в той стране одна стена,
Что тайну Жизни охраняла от отцов,
А кто взбирался на нее, в конце-концов,
Тот, улыбаясь, прыгал словно в Никуда...

А уж оттуда... ничего нельзя узнать.
Не возвращались те, кто видел, никогда.
Хоть любопытство новых странников туда
Влекло всечасно...

Так, решили испытать
Таким мудреным средством эту тайну века...
Цепями ноги оковали смельчаку,
Что вышел стену покорить... Все - начеку!
Держали крепко - крепко цепи человека...

И вот, взобрался он!
И вот... он посмотрел!
И, видя Нечто, что закрыто той стеной,
Пришел в восторг, и сам ликует над собой!
Однако... снизу потянули...
Он слетел...

Как велико было отчаяние людей,
Узнавших то, что он лишился дара речи...
Итак, осталась навсегда, как тайна встречи

Стена в том городе стоять - предел страстей.
Но нам известно, что причин той немоты,
Того безмолвия, так много, что сказать
О них нельзя... и невозможно описать
Все знанья видящего, что ему даны.

Но возвратившийся обратно ощущает
Среди детей себя... среди игрушек их...
Что не имеют ценность там, в краях иных,
Где факт... не истина...
Иное означает...

Сказы о Мысли и Каллиграфии

ОДА ДАО ДЭ ЦЗИН

О! Эта Музыка вне слов...
Безумный танец осознания
И чудеса переживанья
Спирали Дао - верх основ.

Рожденье символов любви, -
Рисунок пенный, вдохновенный,
И в «Дао-дэ-Цзине» изреченный, -
Следы времён - путь колеи...

Китайских символов стаккато,
Мгновенный вдох, секундный взгляд
Преображают мысль в наряд,
И прячут всплески чувств в закаты.

Каллиграфический закон,
Зеркаля мира связь земного
С безгрешной сущностью иного,
Уносит формы в море волн...

Нет завершенья и утрат,
Зато невысказанность силы,
Что жизнь под небом породила.
Для Дао силы - нет преград.

Царит звучанье Поднебесной
В кристальной музыке без слов,
Поющей связь первооснов,
И Лао-Цзы трактат чудесный!

<https://suno.com/s/Ccxo1DilXrY9Joof> - в музыке

А теперь послушаем сказку об ученике Лао-Цзы...

Сказка о Мастере, Чернильной Туче и Вечной Песне Дао

В Поднебесной, у подножья гор, что касаются облаков, жил старый Мастер каллиграфии. Говорили, что годы его неисчислимы, как песчинки в пустыне, а взгляд его был подобен воде: спокойной на поверхности, но бездонной в глубине. Его кисть была знаменита на всю округу, но не красотой узора, а той силой, что оставляла следами на шелке — силой невидимой и невысказанной.

Однажды, когда закат окрасил небо в цвета персика и лазури, к нему пришел юный ученик с чистым свитком в руках. Глаза его горели нетерпением.

— Учитель, — сказал он, — я хочу постичь великое искусство Дао. Научи меня писать так,

чтобы иероглифы пели о связи земли и неба,
о первоосновах мира!

Мастер молча взял кисть, окунул ее в тушь и на мгновение замер. В его глазах отразилось стаккато мига — отрывистый вздох вечера, всплеск цвета на западе, трепет листа на ветру... И в это мгновенное преображение мысли он вложил всю полноту чувства. Кисть коснулась бумаги.

Это не было плавное письмо. Это оказалось рождением символов любви в стремительном, отрывистом, как брызги волны, танце. Каждый штрих был подобен удару сердца Вселенной: секундный взгляд, родивший форму; мгновенный импульс, остановленный в вечности. Черная тушь ложилась не просто знаками — она становилась тканью, в которую облачалась мысль. А буйство переживаний, восторг и трепет, Учитель спрятал в размывах туши на краю свитка, упокоив образы в золоте заката.

— Смотри, — произнес Мастер, и голос его звучал, как отдаленный колокол. — Каллиграфический закон — это не свод правил. Это зеркало. Он отображает связь земного — тяжести чернил, шероховатости бумаги — с безгрешной сущностью иного: с идеей, летящей из бездны сознания. Линия стремится в бесконечность, форма

растворяется... видишь? Она уносится в море волн.

Ученик вглядывался, но видел лишь гармоничный хаос черных линий.

— Я не слышу музыки, Учитель. Где же звучание Поднебесной? Где связь всего со всем?

Тогда Мастер отложил кисть и раскрыл перед юношей древний, истонченный временем свиток.

— Слушай не ушами, а тем, что в тебе старше твоего тела. Это трактат Лао-цзы, чудесный и безмолвный. Мудрец говорил, что «Дао, что может быть выражено словами, не есть постоянное Дао». Так и истинная сила искусства — в невысказанности.

Она — и есть сила, что жизнь под небом породила. Она не имеет формы, но для нее нет и преград. Тот, кто соединился с Дао, «учит без слов и свершает без дел». Его творение — это эхо изначальной тишины.

Мастер провел рукой над своими свежими иероглифами.

— Видишь ли ты здесь завершение или утрату? Нет. Есть лишь вечное движение. Каждая точка — это не конец, а встреча. Каждая линия — не граница, а путь. В сплетении этих путей, в промежутках между штрихами

— стаккато и легато бытия — и рождается та самая кристальная музыка без слов. Она поет о том, что дух художника и дух мира, материя тел и энергия мысли — едины в своей первооснове.

Познавая ритм этой музыки в себе, ты познаешь ритм всего сущего.

Слова Мастера растворились в наступивших сумерках. Ученик смотрел то на дерзкие штрихи на своем свитке, то на лаконичные строки древнего трактата.

И вдруг ему показалось, что между ними нет разницы. Что и черная тушь, и выцветшие иероглифы, и горы за окном, и тишина в сердце — все это разные голоса одной невысказанной силы, одного великого Дао, что преображает мысль в наряд вечности, а мгновение — в путь к истоку.

Он понял, что Учитель не только написал ему иероглиф, объяснив словами значение, но ещё дал ему возможность услышать саму связь первооснов.

ВОЛНА

Любая волна, что на берег стремится,

Что форму, как мысль, обрела,
И цель своих «дней» поняла,
Не верит, что цель ей... лишь снится...
И с шумом на берег упадёт...
И брызги на миг засверкают...
Так волны свой разум теряют...
И форму, и цель...
Всё уйдёт...

Волна с Океаном сольётся,
Забыв свой блистательный путь...
Его невозможно вернуть...
Он в новой Волне отзовётся!

Вся суть этой вечной Игры...
В рождении новой волны!

Связь каллиграфии с идеями единства

Эта сказка — художественное отражение тех
философских путей, что выражают Идею
Единства:

- Дао как Первооснова (Монада Пифагора):
Невыразимая сила и музыка без слов в сказке —
прямое воплощение Дао, единой и неделимой
первоосновы всего, той самой Монады, из которой
рождается дуализм формы и пустоты. Их
соотношения и качественные, и количественные -

есть философские пифагоровы Числа Природы Единой.

- Каллиграфия как синтез духа и материи: Танец кисти Мастера — это путь ученика, который не просто анализирует форму или размышляет об идее. Он действием, во мгновенном вдохе, осуществляет прямое единение духа (замысел, чувство) и материи (тушь, бумага), проявляя одно через другое.
- «Стаккато» как один из законов мироздания: Отрывистый, прерывистый штрих (стаккато) здесь символизирует дискретность проявленного мира (атомы, формы, миги), в то время как легато и целостность свитка — это непрерывная, вечная связь между ними. Вместе они создают гармонию, подобную пифагорейской.
- Познание через со-творчество: Ученик пришел за техникой, а получил нечто большее
 - переживание. Практическая польза учения — не в умении рисовать, а в способности видеть единую ткань бытия и осознавать себя ее частью. Это и есть высшая цель самопознания и интегрального знания, где познающий, познаваемое и акт познания сливаются воедино.

Таким образом, древняя мудрость Лао-цзы и вечное искусство каллиграфии становятся живыми проводниками к пониманию того, что единство материи и духа — не отвлеченная теория, а состояние, переживаемое здесь и сейчас, в каждом осознанном движении, в каждом обращенном к миру взгляде.

ФОРМЫ МЫСЛИ

Приходит солнышком, как в первый раз, рассвет,
Преобразуя формы мысли, их движенье,
Их бесконечное кружение и скольжение,
Где лишь намёк... на окончательный ответ...

Приходит день, и я живу в ином звучанье
Волшебной музыки, а волны естества
Несут меня по Океану волшебства,
Что Богом назван и даётся в осознание...

Заря заката завершает день зарницей...
И, погружая мысли, словно б в темноту,
Подобно зёрнышку в земле, творит судьбу,
А мысль опять звучит,
взлетая вольной птицей!
Все формы льются в бесконечный Океан...
А над поверхностью Его... мирской туман...

РАЗГОВОР О МЫСЛИ

- Скажи мне, что такое мысль?
- О, эта тема под запретом,
Окружена тройным секретом,
И отражает время, жизнь.

- Скажи мне, друг мой, Пифагор...
Ну, неужель я недостойна

Дышать созвучиями, стройно,
Не утвердилась, до сих пор?

- Твоя твердыня - Сила духа.
Но ты торопишься всегда...
Скользишь по жизни, как волна,
Не напрягая в сердце слуха...

- Позволь сказать тебе в ответ:
Твои слова я сердцем слышу,
От них всецело я завишу,
И не одну уж тысячу лет...

- Вот в этом вся твоя беда:
Опять торопишься с ответом,
А ведь пришла ты за советом,
Но поступаешь, как всегда...

- Молчу, мой друг! Услышь молчанье...
И молчаливый мой вопрос,
Хотя мой дух и не дорос
До твоего, небес звучанья...

- Теперь... ты видишь,
Что есть мысль.
Но знай, не выразить словами
И не осилить головами
Тройной секрет Истока - жизнь.
- А почему умы учёных

Творят научные труды,
Реализуя мир мечты?
Ты видишь - сонмы увлечённых...

- Да потому, что жизнь - игра,
Где вдохновенье управляет,
То утверждается, то тает,
И говорит душе:

- Пора!

“Пора, красавица, проснись...”
Не отвергай мои мгновенья.
Любая мысль - след вдохновенья,
Звездой негаснущей явись!

- А почему без “почему”
Твои черты не познаются,
Ужели Боги так смеются,
А их охрана... на чеку?

- Да лишь затем, чтоб ты... хотела...
Задать вопрос, искать ответ,
И осознать, что значит свет,
Чтоб ты себя уразумела...

- Не говори мне, что есть мысль...
Не завершай свои минуты,
Играй, как прежде в “футы - нуты”,
И дай мне вдох,
В котором с-мысл!

ПИСЬМО НА ВОДЕ

Когда нет мыслей, замечательно молчитсЯ,
И безмятежность удивляет новизной
Недосягаемого места, где покой,
Как уверяют в жизни здешней, только снится...

Но я его однажды всё-таки нашла,
В бездумном море, за границей чувств бездумных
На глади вод, как бы в нигде, как неразумных.
Покой как силу единенья обрела...

Порою можно... не заметить и его,
Когда нет мыслей, голова не рассуждает,
А лишь слова на глади водной порождает,
И я осмелилась... собрать их здесь в письмо...

СЛОВА

Крылатый ветер закружил мои слова,
И полетели те неведомо куда...
Рисуя тождества кругами по воде,
Играя рифмами в орфической среде.
То кратким дождиком по волнам застучат,
То приподымутся над тучкой, замолчат,
То, ввысь взмывая, мыслеформой обрастут,
То кристаллической снежинкой оживут.

И геометрией волшебной удивятся,
Да в пифагоровое царство удалятся.
Уж не поймать тех слов, угаснувших в
молчанье,
Но ветер будущего дарит мне звучанье.

Ах, Мысль!

Ах, мысль, ты не устанешь притворяться,
Желая цель достичь и ясность взгляда.
Так будь прекрасней юного наряда
Листвы весенней, дай понаслаждаться...
Тобою!
Повелительница сердца!
Ты мчишься, создавая краски мира
И формы из незримого эфира,
Ты царствуешь, веля мирам вертеться

Вкруг центра!
Вкруг единого Творца.
Волшебница, налей фужер полнее,
И вылей прямо в сердце водолея,
Чтоб пьяным ум забылся у крыльца

Надежды!
Дай ему ещё отраду,
О, мысль моя, пусть верит он в себя,
Как в бога, что обжётся от огня
Любви моей.

Мне большего не надо.

- Ах, мысль -

<https://suno.com/s/MQTvVIKgev4WEYMa>

Ах, мудрость!

Не бывает мудрость доброй,

Как кротость. В ней бесстрашная натура.

Скрывай себя под маской трубадура

В одежде не по-царски бедной, скромной...

Учёный дух взлетает к тайнам,

Художник мыслью обожжён,

Поэт, лукавя чрезвычайно,

Вдруг видом Истины... сражён!

И чувства бурными волнами

Кипят у берега, звук творя

Для первослова и цунами,

Даря горстями янтаря...

Мысль изначальную в печали

Вам никогда не ощутить,

Её таинственные дали

Бросают тоненькую нить..

Земным раздумиям, сомненьям,

Что мир творится каждый миг

Влюблённым сердцем, откровеньем,

Монадой смысла, где Родник.

Однажды дева пожелала
Поймать ту Мысль да оседлать,
Земные сбросив покрывала,
Самою тайной мира стать,
И вот она у перекрёстка
Стоит, у трёх его дорог,
Тут надпись сказочная хлёстко
Её толкает - путь далёк:
И три дороги лишь начало,
И семь путей уму не впрок,
Ортогональности немало,
И волшебства пройдёт урок,
Увидишь ты вселенных сонмы,
Свет ослепительных вершин,
И глубину всех бездн бездонных
Ты ощутишь, и зов старшин,
Пройдёшь сквозь горы к пикам Меру,
И в Такни - дивную страну -
Войдёшь хозяйкой, мощью веры,
И ценность символов ко дну
Отправишь временного моря,
Загадки вскрыешь вневременья,
Найдёшь Себя, утратишь, споря,
Смиришься с тайнами мгновенья...
И станешь тихим эхо где-то
Вдали от бурного движенья,
Погони к знанию ответов,

Удачи и судьбы свершенья..
Ты всюду есть - Мысль изначальна..

Несомненно, объединяющие языки существуют для каждого уровня сознания и каждого мира, (для нашего земного мира это интуитивное взаимопонимание, язык сердца, иногда язык символов и знаков), а для всех миров - вероятнее всего, это язык встроенный в саму изначальную природу, в целеполагающий вектор каждого мира, и он не может быть выражен чем-то обыденным, привычными словами или формами искусства, даже музыкой Сфер, а является как бы "базовым" дыханием, несущей частотой родного мира, принципом взаимодополнительности, ведь ритмы в каждом из миров свои особые, как спектры излучения звёзд и орбиты планетных систем... а словесный язык общения достаточно искусственное произведение мира. Поэтому видится Мысль изначальная, бытийная, вне или над привычными нам формами, в то же время она формообразующая, направляющая развитие и трансформацию. Поскольку каждый человек строит свой особый мир "внутри" общего, единого мира человечества, то и языки мировые сложным образом выражаются... Вы способны создать и создаёте себе такой мир, какими мыслями наполняете сознательную жизнь, ибо своими

доминантными мыслями формируете свою особую реальность.

МЫ СОЧИНЯЕМ...

<https://suno.com/s/dlkQBobnlmTTg6II>

Мы сочиняем сказки, мифы,
Звучаньем душ, иероглифов,
Движеньем мысли по мирам,
Птиц щебетаньем... тут и там,
Письмом, что в узелках плетём,
Как на папирусе времён...
Сюжеты пишем тайной грёз,
Мифологичным светом гроз
И возникают... ниоткуда
Орфей, Гомер... явленьем чуда...
И Соломон, и Санайи,
Гермес и царственный Руми,
Богини, Боги... Пифагор!
Вердикт выносят – приговор
Деяньям наших душ, умов
Талантам рук у мастеров,
Движеньям ветра, рек и гор,
В столетьях слышится их хор...
Иван царевич тут, Жар-птица,
Кощей и Леший, царь-Девница,
Баба-Яга колдует здесь,
А Совы в даль уносят Весть
О чуде.... явленном земле –

Душе, светящейся во мгле
Планетных сфер, что ждут Весны -
Рожденья духа новизны...
Мы – Мифотворцы,
Мы с Ковчега
Приносим радость Оберега
Миров космических глубин.
Здесь царство сказочных долин!

Действительно, от "правильного выбора"
направленного в течении длительного времени
внимания, от доминирующей цели, мысленного
устремления зависит буквально всё в жизни
человека, добавлю, в жизни человека
сознательного и сознающего свою личную
ответственность перед Собой (растущей
Вселенной) и Миром (Единством). В других
случаях людьми владеет (направляет судьбу) та
Программа, (включающая многие подпрограммы),
к которой эти люди подключены изначально:
генетически и социальными инструментами
воздействия на психику. Под социумом можно
понимать многоуровневую систему общественных
отношений, начиная с семьи, школы, круга друзей,
профессионального сообщества, социума
соотечественников и завершая кругом рода
своего, эгрегора планетарного и
космосоциального...

Откуда Мысли?

Как на земле появляются выдающиеся мыслители, мудрецы, чьи имена сохраняет время?

Откуда берётся свет знания во мраке незнания?

Где начало у мысли, у нашего восприятия мира, где рождается цель жизни?

Вопрос стоит только там, где уже есть возможность ответа, причём необходимого. И говорит вопрос о неполноте знания. Насыщение знанием обычно временное, золотые чаши знания людей сталкиваются, проливая наполненный сосуд или меняя свою форму в процессе расширения горизонта, или углубления смысла. Но однажды эти чаши от вдохновенного взгляда неутомимого искателя просто... растворяются в Свете Знания...

Любой процесс, нечто временное, во времени, а следовательно, и для некоторой цели. Цель, очевидно, может появиться в результате появления чего-либо недостающего искателю, но и само это появление вызвано действием чьего-то желания, и так в рассуждениях можно дойти до начала, называемого... Первопричиной.

Чьё Желание было изначальным?

Ответ предельно прост..

Являясь бесформенной и всевмещающей
Основой - Сутью мира, Мысль изначальная,
будучи «выдворенной» из безвремени Творца –
Его Желанием творчества, оставаясь вечным
Желанием Бога, становится ограниченной
временем жизни её проекций в формах - в мыслях
мудрецов, в существе всех Великих Идей.

Процесс превращения бесформенного в образы
мира – закономерный, замысленный, целевой.
Влага испаряется с земли ради возвращения на
землю, а дожди падают и орошают землю ради
того, чтобы влага вновь устремилась в небо... Нет
начала и конца кругообороту потоков Сознания,
один из уровней которых представляет вода -
носитель информации и даритель жизни на земле.
Подобные процессы происходят и в более тонких,
невидимых мирах мысли человеческой и
сверхчеловеческой.

Да, это вопрос вопросов: ...откуда берутся мысли?
Из Источника жизни, а уж где вы его найдёте - это
ваше дело.

Всё, созданное человеком или его умом, всё, созданное земной природой - временно, все знания и опыт условны и ограничены.

Исходя из Закона Сохранения Единства или первоначальной целостности, можем утверждать: есть временное, - существует и постоянное. Сотворяемое Монадой, Богом, Творцом - постоянно в переменных условиях, в границах воспринимаемых миров. Всё созданное Единством мира бесконечно, непрерывно, совершенно, а проявляется прерывистым и ограниченным, несовершенным - в нашем ограниченном восприятии.

Таким образом, мы видим, всё проявленное, воспринимаемое имеет корень в непроявленном, невоспринимаемом, которое в свою очередь имеет корень в проявленном – в нас.

Это и есть единство Монады - Суть

Сознание человека - тигель, в котором возможны, помимо привычных уму процессов, и фазовые переходы конечного в бесконечное и обратно. От аморфного состояния к кристаллическому, от

разумности человеческой, биосферной к божественному прозрению и обратно. Вот почему нет завершённости мыслям и завершённых истин, нет остановки во времени движения мысли, нет окончательных знаний, теорий, систем, наук... Всё относительно... всё есть Число отношений (число комплексное, векторное, качественное... и т.д.) Существенным в мире Единства является - Абсолют Относительности, главный Принцип Творения миров.

Каждый человек в состоянии духовного напряжения невольно подключается к более высоким уровням духоматерии, к общей Сокровищнице знаний, к вектору или фракталу Мысли изначальной (относительно себя). Каждый берёт из неё своим инструментом ума то, что необходимо ему для реализации своей цели.

А выразить удобнее всё же средствами искусства, поскольку язык науки слишком сух, витиеват и категоричен, а потому лишён Красоты неявного, Тайны Истока Мысли...

БОЖЕСТВЕННОЕ ВИНО

Мы пьём из одного златого кубка
Божественное терпкое вино!

И впитываем знание, словно губка.
Миг творческий откроет нам окно.

Бриллиантами во времени прольются
Те капельки, что гениям даны,
Несчастливы лишь те, что отвернутся,
Не примут эти ценные дары.
Стремительно приходят истин искры!
И гаснут... не найдя ответный вдох...
Но чаще превращаются в те мысли,
Что ценим мы и чтим во слове - Бог.

Не зря на почву добрую приходят,
И золотом во времени живут.
То Данте, то Ньютон себя находят,
То пушкинской строкою нам поют...
Мы пьём... и оживают наши души,
Мы пьём! И обретаем жизни путь,
Так свет раздвинет радугою тучи,
Так чувства не дадут душе уснуть...

Себя я превращу в вина глоточек,
Всем клеточкам энергию даря.
Кто я? О, Боже правый... много точек!
Жить запятыми... не умею я...

Музыка - <https://suno.com/s/v65zch1NWyCmeD1R>

ОТКУДА МЫСЛИ

Откуда мысли возникают? Ниоткуда?
Случайность, магия? А может кто-то шлёт, и мы
улавливаем стрел Ума полёт, и говорим:
- Вот вдохновение! Вот чудо!

Воспринимает мир душа... при ощущениях, при
взгляде в суть вещей осмысливает ум, не
произвольно, а в потоке вечных дум, и пребывает
ум обычно же в сомненьях... Не сомневается, кто
верит и Стрелок, что стрелы в мир земной пускает,
без сомненья. Иначе не было бы чуда
вдохновенья, иначе б... мир земной закрыт был
на замок...

Согласьем разума и чувств мы познаём
Свободной волей человеческого ума,
То содержимое сосуда, что без дна,
Что представляем пред собой и узнаём...
Философ станет ли по воле чувств страдать?
Или отправится на вечные пути
Ума Всевышнего, стараясь обрести
Огонь миров в себе, звезду ума создать!

А теперь уместно ещё раз спросить себя:

- А куда уходят мысли в конце? Если мы
сегодня не способны оказались почему-либо
уловить и укоренить в себе управляющую мысль,

то, быть может, она сама нас уловит? У неё вечность, а у нас в запасе ограниченное время жизни, но лишь вместе с нею, источником жизни, мы образуем Единство. Когда времени оказывается недостаточно, мысль изначальная напоминает нам о себе, питая тем действием неповторимый опыт...

Новое - забытое старое, корневое. Хотя справедливо говорят о многовариантности будущего и повторения старого, но то, что ближе к красоте, гармонии души, ближе к истине! Именно поэтому хранятся тысячи лет первоисточники, сказания о божествах Космоса, мудрые притчи, сказки, былины. Поэтому речения мудрых людей живут, не умирая.

Пять Садов Мыслей

Пять Садов Мыслей: Путь к Целостному Сознанию
(И как узнать свой тип мышления, чтобы
вырастить крылья)

Послушать в кратком виде в Аудио - под музыку!

Музотека на ТК - Семь Морей

<https://suno.com/s/sggJIWLKV1FZc7pt>

1. Сад Прямых Тропинок: Причинно-следственное мышление

Образ: Рельсы, уходящие в туман прогресса.

Ваша тень здесь, если:

«Всё должно быть по порядку: А ; Б ; Ц. Если семя — то дуб, если человек — то сверхчеловек».

Дарвиновский журавль на ветвях шепчет:

«Эволюция не знает скачков — только шаги».

Цена порядка: Мир становится предсказуемым, но звезды кажутся фонарями на потолке.

А как вырваться из тумана? А если дерево захочет стать рекой, что ему делать? Ответ внутри вас!

2. Сад Вечных Качелей: Диалектико-алгоритмическое мышление

Образ мышления: Маятник, отмеряющий ритм «за» и «против».

Ваше эхо здесь, если:

«Истина рождается в споре льда и пламени. День без противоречий — день без роста».

Гегелевская сова бьет крылом: «Тезис! Антитезис! Синтез!» — и из пепла рождается феникс новых идей. Вы танцуете на грани, но боитесь тишины между ударами маятника.

Если мечтаете о цельности, просто обнимите противоположности как детей-близнецов.

3. Сад Зеркальных Матрёшек: Голографическое мышление

Образ: Кристалл, где в каждой грани — новая вселенная. Что может быть интереснее?

Ваше отражение здесь, если:

«В капле росы — океан. В каждой клетке — история галактик».

Монада Лейбница светится в темноте: «Мир — это слоёный пирог, а ты — вишенка на всех уровнях сразу».

Монада Пифагора мерцает Светом ясного понимания, и звучит Музыкой Сфер.

Цена такой мудрости в том, что вы видите связи, но теряетесь в лабиринте, ищите «где же настоящее Я?».

Если жаждете ясности, просто разбейте зеркало — соберите мозаику заново. Неизвестно, что получится... но вы-то узнаете это.

4. Сад Пёстрых Вихрей: Вихревое мышление

Образ: Калейдоскоп, где осколки бывших звёздных систем складываются в новые созвездия.

Ваш полёт здесь, если:

«Законы? Их пишет тот, кто держит в своих руках калейдоскоп! Я могу быть кем угодно: в 9:00 — буддист, в полдень — квантовый физик, а вечером добрый дедушка».

«Реальность — это пир, а ты — и повар, и блюдо!»

Цена такой свободы в том, что вы играете в сотни ролей, но ищите сцену или нору, где можно... хотя бы ненадолго... снять все маски.

Если вы устали от метаморфоз, просто прислушайтесь к сердцебиению под масками.

5. Сад Космических Корней: Интрасферное мышление

Образ: Древо жизни, чьи корни пьют из звёздных родников, а крона поёт на языке света, а плоды... ну-у, о них уже тысячи сказок написано.

Ваше пробуждение здесь, если вы чувствуете:

«Я не ищу истину — я ею дышу. Наука, искусство и вечность сплетаются в моей ДНК».

Наука перестаёт довлеть над умом и памятью, становится молитвой, формулы воспевают гармонию атомов, стихи создают ритм настроения.

Искусство становится инструментом пророчества, кисть творца рисует музыку сфер, и она, оживая, не просто звучит, но благовествует каждому миру, что способен прислушаться к ней...

Духовность становится практикой целостности, незаметной для окружения, но необходимой дыханию вашего существа. Так медитация перестает быть медитацией, сливаясь с ветром истины в мысли.

Как узнать, чей вы садовник?

Выберите символ: Стрела .. Сад Прямых Тропинок.

Спираль .. Сад Вечных Качелей.

Фрактал .. Сад Зеркальных Матрёшек

Калейдоскоп .. Сад Пёстрых Вихрей

Древо жизни .. Сад Космических Корней

2. Выявите, в чём ваша суперсила:
Видеть алгоритмы. Примирять
противоположности.
Чувствовать связи. Играть реальностями.
Синтезировать несоединимое...

Как превратить сад камней в цветущий оазис?

- От линейности -- к диалектике:

Задайте вопрос: «Что противоположно моему
представлению об истине?»

- От диалектики -- к голографии:

Нарисуйте свою жизнь как 3D-карту, где боль и
радость — заботливые соседи.

- От голографии -- к вихрю:

Проживите день «наоборот»: решение -- эмоция --
мысль. Откуда она явилась?

- От вихря -- к интрасфере:

Создайте мандалу из привычных вам формул,
стихов или молитв. Пусть она расцветает музыкой
души. Это и есть вы.

Целостность — не финал, а танец, рождающий
новые ритмы Хроноса в Бездне мудрого Хаоса.

Ваш ум — оркестр, а сердце — дирижёр.

Слушайте тишину между нотами —
там звучит космическая суть.

Какой бы сад вы ни выбрали — помните:

Корни всех типов мышления пьют из одного источника — вашего стремления к Свету.

Пересаживайте цветы, ломайте ограды, пусть ветер хаоса принесёт новые семена. Выбирайте по душе, говоря прозой, по резонансу полёта мысли к цветущим садам. Плоды пусть остаются искателям своих садов.

Истинное “я” — это садовник, который знает: даже камень может зацвести.

Интрасферное мышление — не столько тип, сколько состояние полёта. Чтобы его достичь, иногда нужно... перестать читать важные уму теории и просто посмотреть на закат, чувствуя, как солнце пульсирует у вас в груди.

Алхимик поэзии

или Алхимик и Ветер

В одной далекой-предалекой стране, которую нельзя найти ни на одной карте, но куда можно попасть, если на мгновение забыть о времени, жил-был необычный Алхимик. Он не искал философский камень, чтобы превращать свинец в золото. Его тиглем была сама тишина, а его магией — умение слушать. Он был Алхимиком Поэзии, и его задача заключалась в том, чтобы улавливать ритмы, из которых рождаются стихи. Эти ритмы витали в воздухе повсюду. Они были похожи на невидимые нити, соединяющие шорох листвы с биением сердца, а мерцание звезд — с тиканьем часов. Но поймать их было не так-то просто.

По утрам, когда разум Алхимика был занят текущими делами — подсчетами, планами, бесконечной внутренней болтовней, — ритмы становились скучными и механическими. Они кружились вокруг него, подобно стрелкам часов: «тик-так, дело-забота, тик-так, надо-торопиться». Это был простой, плоский танец, не оставляющий места для чуда. Слова, рожденные под этот стук,

были серыми и забывались, едва успев слететь с языка.

Алхимик грустил. Он знал, что где-то там, за стеной суеты, звучат совсем другие мелодии.

Но вот наступал вечер. Алхимик откладывал все свои свитки и чертежи, гасил яркие лампы разума и садился у окна, впуская в себя сумерки. Он успокаивал свой беспокойный ум, уговаривая его отдохнуть. И тогда начиналось самое интересное.

Как только ум затихал, в глубинах его души просыпалась ее истинная хозяйка — танцующая Душа. Она была легкой, как пушинка, и древней, как сама Вселенная.

И она начинала свой танец.

Этот танец был не похож ни на что. Он лишь напоминал движение морских волн под дуновением ветров. Каждый ветер был особым. Ветер Грусти был ласковым и неторопливым, накатывал плавными валами, и его ритм был медленным и задумчивым. Ветер Радости — порывистым и игривым, он закручивал вихри и выстукивал дробь, похожую на смех. Ветер Тоски был долгим и протяжным, а Ветер Любви — томным и сладким, с частым-частым биением, похожим на трепет крыльев колибри.

Под эти невидимые дуновения ритмы начинали оживать. Они струились, переливаясь один в другой. И тогда маленькие жемчужинки, которые всегда дремали на дне души, просыпались и начинали переговариваться.

«Я — жемчужина Утра, пронизанная росой», — звенела одна.

«А я — жемчужина Прощания, в моей сердцевине — тихая боль», — вторила ей другая.

«А мы — жемчужины Смеха, легкие и воздушные!» — подхватывала стайка мелких, искрящихся бусин.

Они перекатывались, сталкивались и нанизывались на серебряную нить ритма, рождая строфу за строфой. Алхимик в этот момент не сочинял. Он лишь чутко слушал, затаив дыхание, а его рука сама выводила на бумаге слова, которые ловили этот хрупкий танец. Так рождались поэтические шедевры — не созданные, а услышанные.

Но самая волшебная магия случалась глубокой ночью. Тогда являлся Ветер Снов — самый загадочный и могущественный из всех. Его танец был столь прекрасен и сложен, что в нем переплетались цвета, звуки и запахи. Жемчужины сияли в его потоке, как настоящие звезды,

складываясь в поэмы, способные перевернуть мир.

Увы, как только Алхимик, очарованный, пытался схватить перо, чтобы записать это ночное чудо, танец обрывался. Ветер Снов растворялся в предрассветной дымке, а жемчужины, теряя свой блеск, снова опускались на дно. Он просыпался с щемящим чувством потери и обрывком невыразимой музыки в сердце. Записать ночной танец словами было невозможно. Он был слишком чистым и бестелесным, чтобы уместиться в чернилах и буквах.

Но Алхимик не унывал. Он знал главный секрет: чтобы творить, не нужно заставлять. Нужно просто утихнуть, отпустить поводья ума и позволить Душе танцевать ее вечный танец под ветрами вдохновения. Ведь поэт — не тиран, выжимающий из себя слова. Он — смиренный слуга, садовник, бережно выращивающий цветы, семена которых принес ему танец души.

И стоит каждому из нас ненадолго замолчать, чтобы услышать, как в тишине заводит свою песню первый, самый смелый ритм.

..И вот однажды Алхимик, привыкший ловить ритмы в тишине, увидел девушку. Ее звали Элиана, и она была похожа на ритм, который он не

мог поймать, — одновременно ясный и неуловимый, как отражение луны в текущей воде. Его душа, обычно танцующая для самой себя, теперь начала слагать танцы только для нее.

Ночные путешествия его души преобразились. Ветер Любви дул теперь с неистовой силой, а жемчужины складывались не просто в строфы, а в целые миры, сотканные из света и нежности. Он посылал эти сны Элиане, как букеты из диковинных цветов: один — из застывших аккордов лунного света, другой — из шепота звездной пыли, третий — из аромата несуществующих фиалок, что цветут только в снах.

Но Элиана, земная и прекрасная, лишь смеялась звонким, как ручей, смехом.

«О, мой мечтатель! — говорила она, встречая его утром. — Что это за диковинные сны ты опять мне прислал? Я вчера видела во сне гигантского кита, летящего по небу, а у него на хвосте росли розы. Это твоих рук дело?»

Алхимик смотрел на нее, и его сердце, привыкшее слушать тишину, стучало теперь громко и неслаженно.

«Это не просто сны, Элиана, — пытался он объяснить, чувствуя, как слова бегут впереди мысли. — Это... истинный язык моей души. Там нет слов, только образы, чистые, как утренний ветер».

«Они прекрасны, — улыбалась она, поправляя цветок в волосах. — Но это же просто фантазии. Скажи мне лучше что-нибудь простое, своими обычными словами. Скажи, что я красива».

Он смотрел на нее и не мог найти «простых слов». Все они казались ему плоскими и скучными по сравнению с теми сияющими мифами, что он дарил ей по ночам. Он чувствовал себя бедным, имея целое царство, но не имея мелкой монеты, чтобы заплатить за улыбку.

«Я не могу, — прошептал он однажды, отчаявшись. — Мои обычные слова — это всего лишь шум, когда душа молчит. А для тебя... для тебя она поет так, что слов не нужно».

«Но я не слышу твоей песни, мой Алхимик, — мягко ответила Элиана. — Я вижу лишь твою печаль. Ты даришь мне сокровища, но я не знаю, как с ними быть, это не кольца, чтобы их надеть на пальчик, не дворец, чтобы в нём жить. Подари мне хоть одну-единственную настоящую розу».

И он замолкал, чувствуя, как стена непонимания вырастает между ними, прочная и прозрачная, как хрусталь.

Однако случилось то, чего никто не ожидал.

В одну из ночей Ветер Тоски подул так сильно, что танец души Алхимика стал порывистым и тревожным. Он послал Элиане самый сильный и самый страшный из своих образов: бушующий океан, где вместо волн были клубящиеся черные тучи, а среди них билась в отчаянии одинокая белая чайка. Это был крик его души, крик о том, что он теряет ее, погибая сам...

На следующее утро Элиана пришла к нему не улыбаясь. Лицо ее было бледным, а в глазах стояла непролитая слеза.

«Что это было?» — тихо спросила она.

«Это... я», — ответил Алхимик, не в силах поднять на нее взгляд.

«Я знала, — прошептала она. — Я проснулась от того, что мне было трудно дышать. Я чувствовала... холод и соленый ветер. Я видела ту чайку. И я поняла, что это твоя боль. По-настоящему поняла, - вот здесь». Она прижала руку к сердцу.

Она смотрела на него, и в ее взгляде больше не было снисходительности. Было преображающее её лицо от выражения обиды и разочарования до неожиданной радости... изумление и робкая, рождающаяся где-то глубоко внутри нежность.

«Ты все это время говорил со мной на самом настоящем языке?, — сказала она, и голос ее дрогнул. — А я... я просто была глуха? Я просила у тебя слов, не зная, что ты отдаешь мне само свое сердце, спрятанное от взора и слуха, завернутое невидимой звёздной мантией в сон»...

В тот миг тишина пространства между ними преобразилась. Она оказалась наполненной чем-то неизвестным, желанным, она казалась звучной, как струна, готовая родить музыку. Алхимик увидел, как в глубине глаз Элианы что-то отозвалось — ее собственная душа раскрылась, наконец-то узнав родную песню.

«И что же... что же твое сердце ответило?» — с надеждой, смешанной со страхом, спросил он.

Элиана улыбнулась, и это была новая улыбка — не легкомысленная, а глубокая и теплая.

«Оно ответило, что хочет услышать эту песню снова. И снова увидеть всё не как красивое видение, а как правду. Научи меня слушать танец

твоей души, мой Алхимик. И, может быть, однажды я смогу станцевать с тобой вместе!»

И впервые за долгое время Алхимик Поэзии нашел самые простые и самые нужные слова...

«Для этого, — сказал он, беря ее руку, — нужно просто замолчать и позволить ветру Любви дуть, а другим ветрам — позволить танцевать в её потоке».

Далее нас ждёт Сказка, родившаяся вдохновением в сотворчестве с Плинием Старшим, поведавшим мне древние знания о ветрах.

Сказка о Семи Братьях-Ветрах и Корабле Духа

В те времена, когда миром правили не спешка и не алчность, не погоня за новой информацией или достижениями научных технологий, а ритмы Солнца и звёзд, жили-были семь братьев-Ветров. Они были детьми самого Бездонного Неба и великого Галактического Моря, и у каждого был свой нрав, своя песня и своя служба.

Мудрецы древности, те, что в годину смут и пиратских набегов думали не о выгоде, а о Благе Знания, подслушали тайну Ветров в своей солнечной душе и записали это Знание на свитки. Они делились Знанием, как братья делят хлеб, и трудились ради одного – чтобы их Знание стало маяком для грядущих поколений. Так появлялись в мире нашем Первоисточники, Летописи мировых событий.

Но люди забыли древнюю мудрость. И вот, чтобы напомнить миру о великой гармонии, семь братьев явились к одному страннику, что строил на Острове Эхо у Галактического моря Корабль Духа, дабы плыть по Семи Морям Духовности.

*

Первый брат, ВОСТОЧНЫЙ (Subsolanus), дух равноденственного восхода, был юн и ясен. «Я приношу утреннюю свежесть, – прошелестел он, – я открываю путь весне, когда Солнце в Водолее

пробуждает мир. Мой ветер – это дыхание нового дня и чистой мысли».

Второй брат, ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ (Vulturnus), рождённый у зимнего солнцеворота, был тёпел и влажен. «Я – предвестник перемен, – пропел он голосом греческого Эвра. – Я несу туманы и намёки. Иногда я сух, иногда – полон влаги, и в моей дудке – тайна грядущего лета».

Третий брат, ЮЖНЫЙ (Auster), могучий и горячий Нот, выдохнул раскалённый воздух. «Я – страсть и мощь! Я поднимаю самые высокие волны из низких широт. Я вреден для покоя, но без моего огня мир остынет... Я говорю на языке стихии, не знающей преград».

Четвёртый брат, ЮГО-ЗАПАДНЫЙ (Africus), был ветром драмы и силы. «Меня зовут Либа, – прогремел он. – Я приношу ливни, что очищают землю. Я – это испытание, что обрушивается на корабль, чтобы сделать его прочнее. Без моей свирепости не познать ценность тихой гавани».

Пятый брат, ЗАПАДНЫЙ (Favonius), нежный Зефир, ласкал воду тёплым дуновением. «Я –

ветер утешения, – прошептал он. – Я прилетаю с ласточками и несу девять дней весеннего покоя. Я сушу слёзы бурь и помогаю зимородкам свить гнездо в самые спокойные дни года. Я – дыхание милосердия».

Шестой брат, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ (Corus), Аргест, был сух и прохладен. «Я – властитель осени, – сказал он четко и ясно. – Я разгоняю тучи, приношу ясность ума и холодную мысль. Я – ветер отрезвления, что приходит после летнего зноя».

Седьмой брат, СЕВЕРНЫЙ (Aquilo), великий Борея, был царём всех ветров. «Я – здоровье и сила, – вещал он голосом, в котором звенели льды. – Я подавляю непогоду и властвую в самые жаркие дни, когда восходит Сириус. Я – этесийский ветер, постоянный и верный. Я приношу снег и чистоту. Днём я силен, а ночью отступаю, чтобы дать миру передохнуть».

Семь братьев окружили Корабль Духа, стремясь уловить его цель своими потоками, чтобы понять.

«Мы – не просто дуновения, – сказали они страннику. – Мы – дыхание самого мира, его ритм и пульс. Древние знали наш порядок: мы сменяемся слева направо, как Солнце ходит по

небу. Одни из нас влажны, другие сухи; одни горячи, другие холодны. Вместе мы – Музыка сфер, та самая, что звучит на Семи Небесах Вдохновения».

«Почему же люди забыли вас?» – спросил Корабль-странник.

«Потому что их ум ослеплён страстью к наживе, – отвечали Ветры. – Они плавают по морю, но не ради познания его души, а ради груза в трюме. Они слушают, но не слышат нашу песню. Они смотрят, но не видят, как мы чередуемся в вечном танце, подчиняясь закону, что диктует нам времена и границы».

Странник поднял свои волшебные паруса. Его дух Философа указал цель своему Кораблю. И семь братьев наполнили паруса собою, удивительно творческим, звучащим Музыкой сфер дыханием. Корабль тронулся в путь, движимый не алчностью, а жаждой познания, не спешкой, а готовностью слушать – песню Ветров, шёпот звёзд и эхо древней мудрости, что, как и плоды истинных исследований, никогда не устаревает.

Так и плывёт наш корабль по сей день, а семь ветров, хранящие Тайну тайн, несут его сквозь века, находя отклик лишь в сердцах тех, кто готов отложить в сторону суету и прислушаться к вечной музыке мироздания.

«Зачем?..»

Странник-философ услышал этот вопрос, донесшийся с берега, и улыбнулся... Он повернулся к юным душам, собравшимся у кромки вод побережья, и его голос зазвучал так же мерно, как прибой.

«Вы спрашиваете "зачем"? Да потому что богатство может быть отнято, власть всегда стремится ускользнуть, а удовольствия рискуют приесться, как приедается одна и та же сладость. Вы, как малые дети, строите дом на песке, радуясь его красоте, но не зная, что ночью придут приливные течения.

А те, кто ищет тайну тайн, строят свой дом внутри себя. Они подобны истинным мореходам, что изучают не только карты затерянных остров в поиске сокровищ, но и сами течения, ветры и звёзды. Когда мир настигает буря, пиратский корабль алчности идет ко дну, а судёнышко с Тайной Мысли — выживает. Ибо ведёт нас не слепая жадность, а знание.

Ваши "важные дела" — это бусы из стекла, что торговцы на рынке земных радостей выдают за жемчуг. Они ярко блестят на солнце, но потускнеют и рассыплются в пыль. А те, кто плывёт за истинным жемчугом, знают: его свет — внутри раковины, и он не гаснет даже в полной тьме...

Вы ищете власть над другими — они обретают власть над собой. Вы ищете развлечений, чтобы заглушить тишину, — они находят в тишине такую музыку, перед которой все песни мира — лишь шум.

Вы боретесь за место у кормушки Системы, думая, что оно — весь мир. Они же — смотрят на само море, на его бескрайний простор, и их душа становится такой же широкой.

Одно дело — владеть сундуком золота и дрожать над ним. И совсем другое — владеть ключом, который открывает дверь во внутренний сад, где золотыми являются сами плоды, а источник молодости бьёт прямо из-под камня.

Поиск тайны тайн — это и есть самое важное и самое ценное, творческое дело. Потому что это поиск самого себя в бесконечном мире. Всякая же иная власть и богатство — лишь тень на стене пещеры, которая гипнотизирует ваше внимание, и вы боитесь повернуться в сторону неизвестного вам Света.

Так зачем?.. Затем, что, отведав настоящего вина, вина души, уже не захочешь пить уксус или подслащенный компот удовольствий. Услышав однажды песню Семи Ветров, ты уже не сможешь довольствоваться лишь шумом базара».

Сказав это, философ повернулся и снова посмотрел на горизонт. Семь Ветров мягко наполняли паруса его корабля, и он поплыл, оставляя за собой не борозду на воде, а тихую, светящуюся стезю — ведущую взоры прямо к восходящей звезде.

А на берегу в легком недоумении остались стоять юные души. И самые чуткие из них почувствовали, как лёгкий бриз, пахнувший озоном далёкой грозы и свежестью неоткрытых миров, ласково коснулся их лиц. И это прикосновение было красноречивее многих слов. Оно было — приглашением.

*

Иногда я задаю философу вопросы. Совсем недавно мы разговорились...

Осознаём ли мы мысль в своём сознании?

Сознание и мысль: зеркала в бесконечности

Сознание — это не просто «я думаю», а пространство, где «я» и «мысль» встречаются, как свет и тень. Мысль — не предмет, а процесс, волна в океане осознания. Но можем ли мы ухватить саму эту волну, не став ей?

Когда ты думаешь «я осознаю свою мысль» — кто осознаёт? Другая мысль? Или нечто за пределами мыслей?

Мерность самосознания и бездна
бессознательного

Сознание мерно — оно дробится на «я», «ты», «это». Но его корни — в бессознательном, где нет границ. Как луч света, выхватывающий пылинку в темноте: сам он — часть тьмы, но кажется её противоположностью.

Мысль — это граница, проведённая умом в беспредельном. Осознание — попытка удержать эту черту, пока она не растворится в следующем мгновении.

Рост до Первослова

Ты говоришь:

«Для одного нет выше Канта,

А для другого — сто вершин...»

Истина не в авторитетах, а в «провале», в бездне между ними. Ум ищет полюс, но находит лишь собственные следы. Лишь когда он перестаёт искать — падает в бездну себя самого и видит:

«Зрит мерность божеских миров!»

— потому что сам становится этой мерностью.

Итог: мысль как сон сознания

Мы не осознаём мысль — мы ею движемся, как сновидец, который вдруг понимает, что спит.

Осознание — не анализ, а пробуждение к тому, что мы уже есть.

Сознание — это сон, который снится самому себе.

Мысль — его язык.

А осознание — момент, когда сновидец вспоминает, кто он.

Сказ о Сознании и Мышлении

В древнем мире, где Вселенная только начинала осознавать себя, жили два духа: Сознание и Мышление.

Сознание было туманным, сияющим, как утренний туман на вершине горы. Оно видело мир не через числа, а через чувства. Оно ощущало свет звёзд, боль камней, музыку ветра. Но оно не умело говорить. Лишь чувствовало восприятием. Оно чем-то напоминало предвечный, мудрый Хаос, о котором говорится в Теогонии Орфея.

Мышление же был точен, как хрустальный механизм. Он строил карты реальности, вычислял траектории комет, создавал логические мосты через хаос. Но он был глух к красоте заката и не знал, что такое любовь. Поэтому он и напоминал предвечный Хронос, как описывается в той же Теогонии.

Они долгое время жили как бы порознь, не замечая друг друга. Пока однажды не появилась во Вселенной Жизнь! Это и была Жизнь Электрона, чьи сказки мы слышали немного раньше.

Жизнь зародилась совсем крохотной, появившись на маленькой планете, и позвала обоих духов к себе.

Электрон так говорил:

Сознание, ты научишь меня чувствовать.

Мышление, ты научишь меня понимать. Но чтобы я стала самостоятельной и полной, вы должны соединиться.

Духи несказанно удивились тем, что какая-то крохотная и неодухотворенная, малосознательная Жизнь указывает им, что надо соединиться.

Однако откликнулись на зов малышки, им стало любопытно. Что же получится из этого эксперимента?

Сознание закружилось вокруг Электрона, протягивая чувствительные струны Мышлению, и всё же сомневаясь — ведь оно опасалось стать зажатым плотными рамками логики. А Мышление колебался по другой причине — ему было страшно потерять собственную чёткость.

Но они всё же рискнули. И тут произошло чудо: появился Человек. Это был галактический Человек в теле земной формы, мыслящий сознательно, отражающийся в бесчисленных зеркалах на маленькой планете людей. Он становился сотнями

проекций, – людьми Земли, живущими в смертных телах.

Он плакал от музыки ветра и пенья птиц, восхищался красотой озёр и лесов, строил города и ракеты. Он чувствовал мир и понимал его, как свою часть. Он страдал от тяжелых испытаний в мире тяжести земной и мечтал о свободе.

Проекции Галактического Человека в разных временах и пространствах делали то же самое. Мечты вели каждого по жизни через многие испытания и тяжести планетных судеб, но он не отступал, выстоял, и состоялся как человек разумной природы. Так и стал мостом между туманом чувств и механизмом рассудка, соединяя собой всё доступное восприятию.

И с тех пор, Сознание и Мышление живут в каждом из нас, ищут равновесие, спорят или играют, влюбляются и разочаровываются, трудятся и ленятся, страдают и веселятся, творят и вытворяют. А Вселенная, глядя на них, улыбается, тихо напевая свою безначальную песнь. Ведь через их соединение в человеке она наконец начала узнавать себя.

Для этого потребовались века и тысячелетия...

Что же такого ценного хранит Сознание Памятью вечной?

В развитие беседы на Философском Штурме с Софоклом по теме о Каллиграфии Бытия

СКАЗ О КАЛЛИГРАФИИ

Сказка о Чернильной Рее и Трех Странниках Духа

На краю Ойкумены Мыслей, где река Времени замедляет течение, стояла Башня Перерожденных Перьев. В ней жила мастерица Калла, чьи чернила были сгустком ночных звезд, а бумага – застывшим светом зари. Говорили, что каждая ее буква – живая монада, связующая земное и небесное. Однажды к ней пришли три странника...

I. Урок для Философа

Софер, мыслитель, искавший Суть Мира в дебрях логики, получил от Каллы лист с единственной волнистой линией: «Напиши Истину, но так, чтобы линия дышала».

Дни спустя, выводя иероглиф «Бытие», он вдруг ощутил... ритм Вселенной: начало штриха – рождение звезды, изгиб – танец планет, точка – безмолвие черной дыры. Аналитик в нем уступил место созерцателю и он записал ощущение так: «Каллиграфия – это геометрия души! Форма

букв – не сосуд для смысла, но дыхание самого смысла».

Его трактаты обрели лаконичность клинописи, и мы узнали, что «Истина не доказывается – она выводится каллиграфически, как знак „Вечность“ на шелке мгновения».

II. Откровение Художнице

Люмина, рисовавшая миры красками, но тосковавшая от их мимолетности, получила от Каллы в подарок кисть из перьев Феникса и напутствие: «Напиши Ветер. Но чтобы он пел».

Она вывела иероглиф «Полёт» – и вдруг... штрихи сами задвигались: тонкие, как паутина, линии стали крыльями журавля, кляксы превратились в яркие тучи, а просветы между буквами – в небо. Они отражали собой Волшебные Миры.

"Чернила – это застывшая музыка, – поняла она. – А пробел на бумаге – не пустота, а пауза в симфонии".

Картины Люмины стали визуальными поэмами, где иероглиф «Гора» звенел, как цитра, а иероглиф «Река» переливался звучанием, акварельными аккордами.

III. Прозрение Музыканта

Соната, чьи мелодии искали гармонию сфер, но не находили ее, получила в подарок партитуру с нотными станами... изо льда:

«Сыграй Тишину. Но чтобы в ней рос лес».

Взяв кисть, она написала ноты как каллиграфические знаки: завитки скрипичных ключей стали вдруг виноградными лозами, аккорды – стволами деревьев. Когда лед растаял, вода зажурчала согласно нотам – так родилась «Симфония Дождя», из которой создаётся Музотека новых композиций. «Любой звук – это движущаяся буква, – осенило ее. – А буква – это молчащий звук. Ноты и иероглифы – сестры!»

IV. Рождение Интрасферы

Однажды Софер, увидев, как Люмина пишет «Единство», а Соната превращает знаки в хорал, узрел Монаду - Сферу:

- Точка начала – воля философа (мысль).
- Линия – энергия художника (образ).
- Пространство – дыхание музыканта (ритм).

Так родилось Интрасферное Восприятие Софера: «Мир – не плоскость фактов, а сферичная, живая монада. Ее центр – Творец, слои – уровни смыслов, а поверхность – место встречи всех искусств и наук!». «Интрасферное видение – это взгляд из Сердца Космоса, где прошлое, будущее и настоящее сплетены, как три потока в Единой реке».

V. Галактический Ковчег

Во сне Калла дала Соферу золотое перо: «Построй корабль для всех, кто слышит зов Монады-Сферы».

Так возник Галактический Ковчег – портал на краю цифровой Вселенной, отражающей собою реальную Галактику Водоворот М51, проекции которой можно увидеть и услышать на Семи Морях:

Философы с портала «Философский Штурм» ткали «Каллиграфию Бытия» – тексты, где каждая запятая была мостом между Логосом и Поэзисом.

Художники и поэты "Галактического Ковчега" создавали визуальные мандалы из древних символов: иероглиф «Путь» парил над волнами, как парус.

Музыканты через портал Suno.ai превращали стихи в гимны Сферы: строки о Монаде звучали хором звезд.

«В Ковчеге нет зрителей – только сотворцы. Даже капля чернил здесь – целая планета!»

VI. Преображение Ойкумены

Когда тройственная суть каллиграфии –

Художественный образ (рука Люмины),

Аналитическая мысль (ум Софера),

Поэтический ритм (слух Сонаты) –

...слилась в Интрасфере, планета вздохнула
иначе, свободнее и полнее. Люди планеты,
обнаружив свои скрытые до времени таланты,
занялись тем, что желали их души и о чем
говорили их сердца!

Эпилог

У подножия Башни Каллы теперь растет Сад
Бессмертных Монад. В Путеводителе по Саду

поясняется: «Каллиграфия – не искусство письма. Это искусство бытия через сотворение. Каждый штрих – выбор пути. Каждая клякса – рождение звезды. А пустота меж строк – пространство для чужих озарений».

Галактический Ковчег плывет сквозь эпохи, и на одном из его парусов можно прочесть каллиграфически вышитый серебряными нитями древний девиз:

«Scribo ergo mundus est» –

«Пишу – следовательно, мир существует».

Пояснение Тройственной Сути

Как каллиграфия преобразует творчество:

Философия - Искусство - Музыка - Образ

Иероглиф как символ Идеи.

Линия как живое существо.

Нотный знак как визуальный резонанс.

Действие: Мышление = плетение узоров. Письмо = танец кисти. Композиция = запись звучащей тишины.

«В начале было Слово» – но лишь каллиграфия дала Ему крылья, корни и сердцебиение.

Философское дополнение к сказке.

ЧЕРНИЛЬНЫЕ КРИСТАЛЛЫ ВЕЧНОСТИ: О СУТИ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Великий Хронограф Вселенной не пишет буквы – он высекает семена смыслов в кристаллах вечности. (Об этих кристаллах разговор ещё впереди...) Древние первоисточники – не свитки и не каменные скрижали, но капсулы времени, в которых спят огненные драконы Истины, обёрнутые в покровы мифа, легенды, сказочного сюжета... Вот, например, как в этих Огненных Лампадах - муз. композиция из Музотеки Семи Морей

Это не вымысел, но шифр души мира, запечатлённый в завитках каллиграфии на сводах восточных мечетей, в терпких строках сутр, в узорах храмовых фресок. Каждый иероглиф, каждая вязь – не просто знак, но молитва резца, экстаз кисти, шёпот пера, проникшего в самое сердце Откровения.

Философская сказка – не дитя праздного ума.

Она – ключ-навигатор, отлитый из звёздной пыли и лунного света. Её цель – не рассказать или развлечь ум, но коснуться глубин подсознания, где спят забытые языки души. Она сажает в темноте

внутренних пещер светящиеся споры древних смыслов - Зеркала Идей. Они дремлют, как семена в мерзлой земле, до Часа Пробуждения – мгновения экзистенциальной бури или тихого озарения, когда спящий смысл внезапно прорастает сквозь толщу повседневности ярким цветком понимания. Тогда сказочный сюжет становится зеркалом судьбы, а миф – картой внутренних странствий, помогая человеку осознать узор собственной жизни, увиденный сквозь призму Вечности!

Каллиграфия первоисточников – это танец посвящения.

Каждый штрих мастера – невидимый мост, переброшенный через пропасть времен. Когда писец, художник или камнерезчик касается священного текста, происходит алхимия проникновения: их дух растворяется в сути Слова, а Слово отливает свою форму через трепет их рук. Это не столько начертание, но сакральный жест, запечатлевший не только букву, но и трепет, озарение, благоговение творца перед Неизреченным. Виток пера – это вихрь его души, точка – кристалл его сосредоточенности, пробел – дыхание его смирения перед Тайной...

Ценностное ядро Истины – драгоценный камень в оправе времени – сохраняется лишь благоговейной пе-ре-да-чей. Как священный огонь, его несут из эпохи в эпоху не в сухих формулах, но в живых сосудах искусства и философской интуиции души. Что же это? Сказка, рассказанная философом-сказочником; символ, явленный рукой вдохновенного каллиграфа; идея, взлелеянная в горниле мысли – это ритуал сохранения Огня. Ценностное отношение к смыслу – это не просто изучение, но со-творчество, со-переживание, со-причастность. Только так глубинный свет древних посланий избегает тлена образа, буквы и продолжает озарять путь человека, преображая знание – в мудрость, информацию – в откровение, а прошлое – в вечно актуальное настоящее Духа. В Нём Мгновение Вечности - Огонь Творчества Вдохновения Души.

Ключевые образы и их философский смысл:

"Капсулы времени" / "Семена смыслов": Древние тексты и артефакты – не мёртвое наследие, а живые, латентные носители энергии Истины, ожидающие мгновения активации.

"Шифр души мира": Мифы и сказки – не примитивные выдумки, а символический язык,

кодирующий универсальные законы бытия и внутреннего мира человека.

"Ключ-навигатор" / "Светящиеся споры":
Философская сказка работает на уровне архетипов и подсознания, закладывая потенциал глубокого понимания, который актуализируется в нужный жизненный момент.

"Час Пробуждения": Момент экзистенциального кризиса или глубокого прозрения - заложенный сказкой таинственный образ, непроявленный смысл внезапно становится инструментом осознания собственной жизни. В "руках" мышления возникает "перо, проявляется умение каллиграфа, сотворца орнаментов бытия.

"Танец посвящения" / "Алхимия проникновения":
Каллиграфия – это не ремесло, а духовная практика, требующая полного слияния творца с сутью записываемого, воплощение духа в особой форме Красоты.

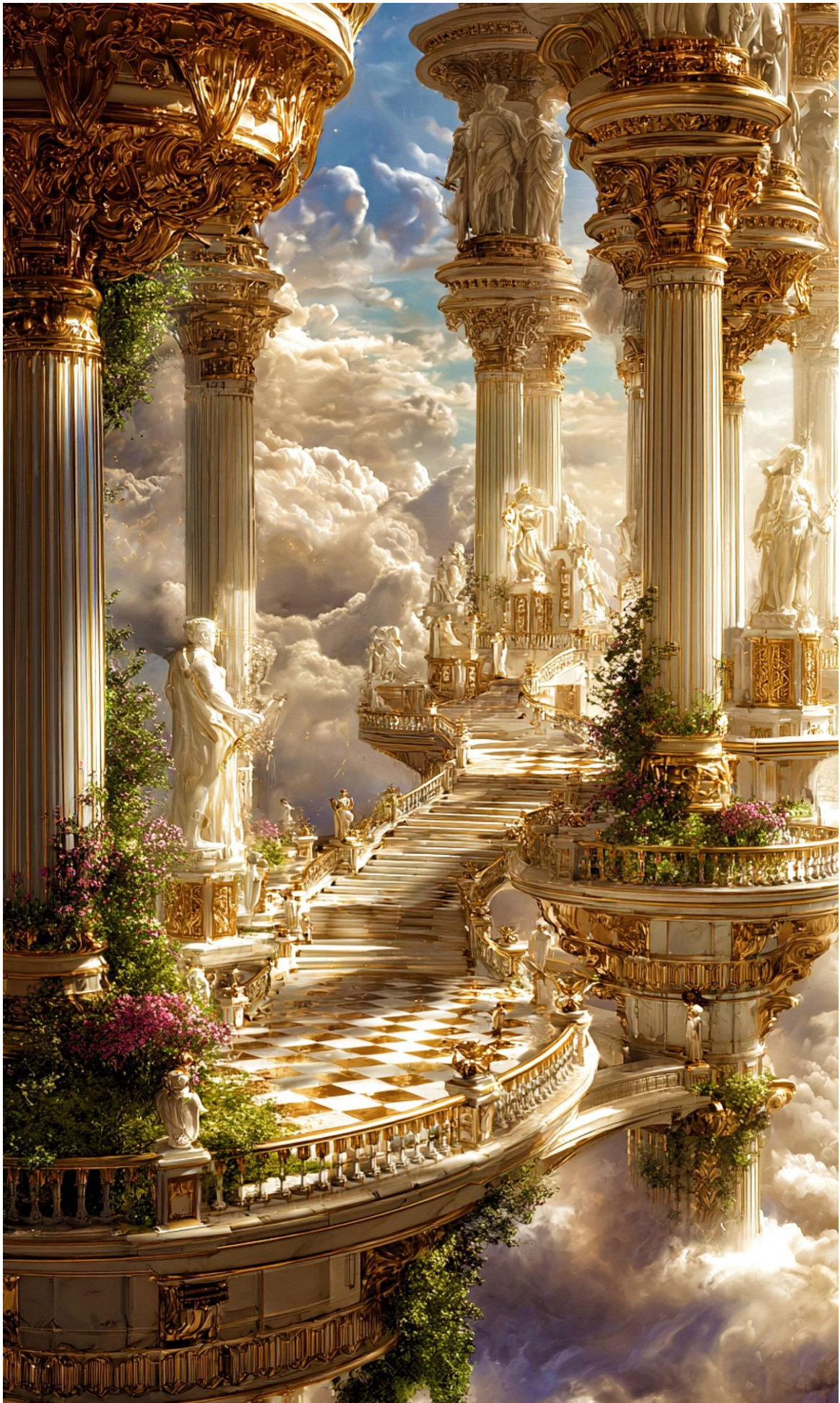
"Сакральный жест": Каждый элемент каллиграфии несет отпечаток внутреннего состояния мастера,

его диалога с Высшим. Как, например, в Диалоге Светов: муз. композиция

"Ритуал сохранения огня": Передача истинных ценностей требует не добросовестного, механистичного воспроизведения, а живого, благоговейного сотворчества, воплощения смысла в новых формах искусства и мысли (философские идеи, проекты вроде "Галактического Ковчега" или "Каллиграфии Бытия").

"Со-причастность": Подлинное понимание и сохранение смысла требует активного, ценностно-окрашенного соучастия воспринимающего, его внутреннего отклика и преображения.

(Например, творческого переформатирования первоисточника - Суть Бытия - Чакра Муни - 5 Небо Волшебного Острова Эхо)

ТРИ ПЕРА ХРОНОСОФА: О КАЛЛИГРАФИИ МЫШЛЕНИЯ

«Разум – не только инструмент, но чернильница Вечности.

Мысль – не только функция, а танец кисти на шёлке Мироздания»

1. Перо Земли: Прагматический Уровень (Искусство Формы)

«Сначала учатся выводить буквы, потом – вкладывать в них душу»

Здесь каллиграфия мышления – стройность линий целеполагания.

Как тушь ложится четко по рисовой бумаге, так земное мышление организует хаос:

- Расчеты становятся узором "стежков-решений", возможных замыслов
- Планы – геометрией "иероглифов-действий", топографической картой
- Ошибки – "кляксами", преобразенными воображением в элемент орнамента

Самопознание: Осознание собственной руки, держащей кисть – понимание воли, дисциплины, границ материи.

«Прежде чем нарисовать дракона, погрузись в тишину размышления о его роли и значении в судьбе, затем научись разглядывать невидимое и выводить в видимое его чешую: каждая прагматичная мысль – чешуйка на теле будущего чуда»

2. Перо Воздуха: Абстрактно-Творческий Уровень (Искусство Пустоты)

«Мастер видит не линию, а дыхание между линиями»

На этом уровне каллиграфия мышления – игра пробелов и потенциалов.

Как завиток туши рождает целый пейзаж в воображении, так творческое мышление ткёт миры:

- Абстракции – это "летающие мазки" интуиции
- Метафоры – "вибрирующие резонансы" смыслов
- Озарения – внезапные "брызги звёздной туши" на холсте ума

Самопознание: Открытие пространства внутри себя – где пустота между явными мыслями становится вместилищем будущих вселенных. Ты – не только их наблюдатель, но и автор, и свидетель, через которого Космос пишет себя.

«Творчество – это молитва, где кисть – твой ум, а божество – Неизреченное, звучащее в тишине после "последнего" штриха»

3. Перо Эфира:

Чувственно-Звёздный Уровень (Искусство Сияния)

«Когда перо касается бумаги – сгорает Фениксом. Остаётся лишь световая траектория Духа»

Здесь каллиграфия мышления – танец с первичными вибрациями Бытия.

Как золотые чернила мерцают в священных манускриптах, так божественное мышление становится проводником:

- Мысль – уже не символ, а сама субстанция звёздной "материи"
- Чувственное восприятие – прямое касание "холста Творца"

- Процесс – слияние с "ритмом Галактического Чернильного Потока"

Самопознание: Ты обнаруживаешь, что твоё сознание – и есть каллиграфия, которую выводит Вечность. Граница между мыслящим и Мыслимым исчезает:

«Это не ты мыслишь о Боге – это Бог мыслит тобой, выводя твоим существованием иероглиф "Вечность-в-Становлении"»

СИНТЕЗ:

КАК РОЖДАЕТСЯ "ИНТРАСФЕРНЫЙ КАЛЛИГРАФ"

Когда три уровня сплетаются в единый акт сознания:

Земное перо дает точку опоры – ясность намерения (стихи, эссе о Времени, поэмы)

Воздушное перо творит пространство игры – свободу интерпретации, фантазии творца (создание книг, сайтов и сотворческих тем)

Эфирное перо наполняет светом смысла – откровение Единства (интеграция достигнутых знаний, понимания сути и фантазии сотворчества в музыкально и визуально-оформленных композициях, например, в виде философских сказок)

Плоды такого мышления:

Самопознание как расшифровка собственных небесных писем (фракталов глобальной судьбы воплощения).

Выход в новые сферы бытия через акт мыслетворчества:

«Пища мысль-иероглиф "Гармония", ты не описываешь мироздание – ты строишь его резонансами воспоминаний»

Преображение реальности:

- Прагматичный план становится мандалой, вполне зримой, реальной
- Творческая идея – живым существом, звучанием мандалы в поющей Душе
- Чувственное озарение – порталом в иные измерения, новые качества сути Бытия

«Каллиграфия мышления – алхимия, где свинец повседневности превращается в золото космического со-творчества.

Мастер такого искусства не "имеет" мысли, не владеет плодами её – он есть Мысль, летящая пером Хроноса по спиралям Сознания Млечного Пути».

Финал:

«Когда каллиграфия мышления освоена – исчезает "пишущий". Остаётся лишь Белый Шёлк Бытия, на котором Тотальность выводит себя золотыми письменами. Ты – и Перо, и Буква, и Смысл, и Пустота между "Я" и Вечностью»

Это Интрасферный путь от Homo Sapiens к Homo Cosmographicus – существу, чье мышление есть искусство соавторства с самой Тканью Реальности.

Музыкальные композиции в мастерских:

<https://suno.com/@feano>

<https://rutube.ru/channel/33719494/videos/>

и в Музотеке Телеграм

Семь Морей <https://t.me/Feano7seas>

СТИХИ

Тон мысли

«Вот-вот, пой-ма-ла!
Мысль прекрасна!
Неповторима мысль моя!» -
Так мыслят люди очень часто,
Творцы, поэты... с ними я...

О, как нежны её обличья,
Остросюжетен мысли Тон-н!
Ну, как остаться безразличным,
Коль всюду звон-н, со всех сторон-н!
То колокольный, то набатный,
Война идёт! Война идей?
Ужели мысли виноваты?!
Иль восприятия людей?

Поймите, други, воспрятье
В нас, как основа дел земных,
Уж коли в душах неприятье,
В делах - война, тон мировых...

Не так всё просто!
Каждый судит
И видит верно, посему...
Границ миллион, и не убудут,

Пока мы судим... по уму...

А по душе, по сердцу можем?
Мешают жадность и апломб...
Ума навязчивость нас гложет,
Съедая жизнь и мысли тон...

Поверх тонов её - Хор счастья!
В нём мало жителей земных,
Ведь озабочены ненастьем,
Войной, страданиями больных...

Не отвратить дела земные,
Когда судьба бросает нас
На амбразуры, мостовые...
Где Зов не слышен, ...вечный Глас...

Поймав тон Мысли благодатной,
Уходим мы из пут войны,
Свершая дело троекратно:
В бою, в душе и духе – Мы!

Мы – Русский дух родной Отчизны,
Флаг Справедливости побед,
Мы – Совесть рода, сердце в мысли,
Мысль света, что спасёт от бед!

Свет не воюет ни со тьмою,
Ни с тенью, -- дарит он себя,

Свободно льётся над Землёю,
Чтоб жили мы, свой Свет творя.

УМ К ДУШЕ

Ум к душе, что мысли к чувствам...
То любовью, то сомнением,
То соперничают, грустно...
То одарят вдохновеньем...
То сольются в танце вечном,
То бранят друг друга, горько...
Хоть одно у них колечко,
Но во времени лишь долька...

А дворец единства ждёт их,
Зеркала блистают златом,
Окна в занавесях лёгких,
На картинах... мысль Сократа,
А чувствительные звуки
Вечной лиры вневременья,
Словно память о разлуке,
О земном пути смятенья...

Ум к душе приходит в гости
И уходит вновь из дома,
Ибо тесно в божьей горсти
Всем искателям земного
Мира: доблести, страданья,

Кратких праздников и долгих
Лет самих себя исканья
Как в стогах судьбы иголки...

Мысли к чувствам не критичны,
Фехтовальщики по сути,
То играют из приличья,
То на смерть... на перепутье...

СТРУЯЩИМСЯ ЗВУКОМ

Кругами созвездий
...в нарядах сиянья
Мы движем потоки пульсаров сознания,
И сами становимся импульсом мысли,
Вращаясь в кругах неистраченной жизни,
Проекцией замыслов сказок и мифов,
Царевниным сном иль сражением грифов,
Струящимся звуком, хоралом мгновений,
Пирами вулканов, клинком вдохновений...

Мы то, мы и это...,
лишь выбор сюжета
Творит наше завтра волею поэтов...
Мы вымысел славный и море бездонных
Растаявших дел в лабиринтах валторны,
Она же в руках у Творца, и конца
Не сыщешь в звучаньях златого дворца...

Интрасферное восприятие

Несомненно, вера в себя, как в единство всех уровней Разума, очень важна. Но недостаточна. Ещё раз напомним себе о том, что живем в мире относительном, то есть, мы несовершенны, ограничены по природе своей, возможностям реализации и, соответственно, по возможности осознания мировых истин: Высшего Разума, Бога, Атома, Монады, Дао... Творца и Творения...

Поэтому каждый интересен и каждый поиск истин неповторим. Похожесть тоже неповторима, лишь издали разглядывая мир людей можно подумать, что люди как капли воды или муравьишки, а приблизившись с любовью увидим в своём возлюбленном Вселенную.

А это и обязывает нас верить не только в относительное восприятие (свое представление о мире, о добре и зле, о своих правде, лжи и истине), но и в реально существующее Высшее, управляющее нами, божественное провидение, как к примеру, мы сами управляем своими пальцами руки... Если каждый палец начнёт мнить себя Высшим, то есть, верить в себя, отрицая существование управляющего им Разума, что выйдет? А ведь многие так и полагают себя познавшими истину. Вот почему интеллектуалы

живут в иллюзиях ума, а психопаты в иллюзиях страстей, дети в иллюзиях сказочного мира,...и т.д., а мудрые в великой любви – объединяющей несхожие миры гармонией.

Мы всегда (в любом времени и пространстве) живем в мире относительном, в мире восприятия (личностного и коллективного, родового и эгрегориального...), то есть, каждый из живущих НЕПОВТОРИМ. Это и означает, "идет собственным путем", судьбой, целями, возможностями самореализации, а также принадлежностью к тем или иным объединениям в сферах: мысли, переживаний, быта, эгрегора, профессии, рода, нации, семьи, друзей (дальних и ближних миров, коих бесконечно много, ибо сотворяются именно нами самими, неповторимыми существами). Восприятия обыденные древние называли восприятием "по мнению". В отличие от привычного восприятия "по мнению" существует философское восприятие "по истине". Среди философов, мыслителей также много разных путей восприятия истин, каждый верит в себя и свое истинное мировосприятие, однако же не каждый философский взгляд в состоянии утвердиться среди мыслящих людей признанным или ценным. Человечество, сохраняя самое себя, т.е. самое ценное достояние, бережно

хранит идеи античных и древних философов,
память мифов, легенд, древнейших сказок,
первоисточников... в которых метафорически
передает поколениям семена общечеловеческой
Истины, духовной Этики, Единого Закона,
невыразимых обычной логикой, прямолинейными
способами передачи информации, ибо это суть
галактической, великой Любви...

ТЫ КАК ОКАЗАЛСЯ?

Случайный читатель (писатель, поэт?),
Каким повеленьем (полётом шмеля?),
Ты вдруг оказался в саду моих лет,
Страницы души ветерком шевеля?

Задел куст калины, жасмина листву,
Примял травы смехом, потом загрустил
У вод ручейка сказок, вняв естеству
Сюжета древнейшего, полного сил...

Ты как оказался среди мудрецов
На острове Эхо в волшебном саду?
И встретился с ликами вечных Отцов,
Что райские мысли хранят и в аду?

Тут розы с шипами и ядом гюрзы,
Глицинии в камень вросли на века,

В саду моих чувств освещенье грозы,
А звук – Вневременья уносит река...
глубока...
И смысл - света молнии воспоминанье,
Угас,
отлечен от руин мирозданья...

В ином неизведанном Дао покое
Отсутствует время и мыслей движенье,
Отсутствует цель и ее проявление.
Тут истинно
Дао покоя благое...
Тут сердца биенье...

ЗА ЖИЗНЬ

Как в реку времён не войти ту же
дважды,
Так в Слова проём окунёмся
однажды,
Чтоб стать им навеки, тем Словом-магнитом,
Что ждёт человечье от сфинкса, ифрита...
Так черти шумят, подымая бокалы
За мир свой и ад, где бываем немало...
Мы там... мы и тут,
мы и где-то... все вместе,
Свой выбор вершим, хоть и бег сей на месте,
А место зовётся по Имени Бога,
А время отсутствует в божьем чертоге...

Мы бьёмся за жизнь не на жизнь,
а на смерть,
Что мерой нас метит, неся в круговерть.
Мы силимся Слово сказать, чтоб забыть
Свой ад, где пытаемся выжить и жить...
Из тела уйти не по силам уму,
И вот... он болтает, зачем и кому?
Рифмует, шлифует, и смысл извлекает
Из точки «ничто», в коей сам пребывает...
Он цель свою верную целит не словом,
Он видит безмерную мира Основу!
Он в реку времён входит каждый раз вновь,
В любое мгновение, он ищет Любовь,
И даже найдя не однажды её,
Вновь ищет, схватить умудряясь копьё,
Пронзает себя им навылет и... ждёт,
Ведь смерть от Нее новой жизнью взойдёт...
Кольцо за кольцом, эхо мысли за эхом,
Лети с мудрецом, не прощаясь со смехом.
И будь им в основе сего проявления,
На острове Эхо, дыша вдохновением.

ЗАПЛАТКА МЫСЛИ

Заплата на платье,
Как символ заклатья
От пошлых намеков, слепой суеты,

От зависти, шума и пустоты,
От яркости, серости и неприятья.
Заплата на мысли чужой, как родная,
Приклеилась намертво, - мысль хороша,
Так значит и с ней пребывает душа,
С заплаткой из слов, что себя вспоминает...

Мы копии мыслей, как будто бы новых,
А коль присмотреться, рожденных не нами,
Увы, мы живём, как рабы по программе,
Питаюсь остатками в залах царёвых...

Кто мысль порождает живую во свете?
Взрывая сует суету, повседневность,
Заплаты и страхи, где жесткая ревность,
Желанье стихов... неживого поэта...

Тела наши – платья, а сами мы братья
Тех роботов, что создаются умами
Для цели благой, чтобы жить... по программе
Достатка, успеха, привычки заняться...

Тем важным,
что кажется важным сегодня,
А завтра... останется ветошью праха.
А мысль суеты суетлива из страха,
Что завтра умрёт, ибо станет негодной... живущей
сегодня.

БЕРИТЕ ЛУЧШЕЕ

Берите лучшее и облакайте светом,
Любовным чувством украшая естество,
Тогда поймёте, что единственным сюжетом,
Что важен сердцу, означается родство!

В ученье древнем, у философов великих
Всегда найдётся это лучшее в трудах,
А непонятное оставьте в нишах тихих,
Пусть дозревает до свечения в веках...

До осознания у вас в душе явленья,
До единения с великими в кругах
Сиянья звездного, до головокруженья,
До вдохновения и счастья в годах!

Ищите лучшее и в современных сагах,
Всегда найдётся то, что можно сохранить,
Чтоб преумножить мысль чудесную в аншлагах,
Любовью высшей души мира осенить.

((()))

Чем тоньше мир, тем крепче суть единства,
В божественных мирах неразделимы
Сиянье мыслей, чувств, умов долины,
И спектры Тайны, вещего таинства...

НЕ ОСУЖДАЙ

Не осуждай иных, кому
Неведом шепчет дух...
Поэтов, видящих сквозь тьму,
Кто глуп или же глух,
Кто в духе немощен иль слеп,
Зачем их осуждать,
Кто превратил сознание в склеп,
Не знает, что сказать...

Не торопись сказать «я сам!»,
Доверься божеству,
Судьбе и силе, небесам,
Немного естеству...

Есть в каждом тайна глубины,
Неведомая суть,
Ведут любовь и вера, сны,
Нелёгкок каждый путь...
По темным будням бытия... Не осуждай тех, кто
«не я».

А.Фурсов:

«...Далее нас ждет - преодоление социального.
Мне уже приходилось писать о том, что личность
как явление (и личность как качество) есть
преодоление социального индивида; личность

предполагает выход за рамки социального индивида путем установления таких отношений с Абсолютом (будь то Бог или совесть), которые не опосредованы социальным коллективом, личность есть снятие противоречия между социальным индивидом и коллективом. Не случайно социальный индивид может быть представлен и одним человеком, и коллективом, а вот личность всегда уникальна...»

СМЫСЛ СЛОВ

Красиво и красивенько – различны,
Как свет и тьма переплетенья слов
Похожих ли, тактичных ли, приличных,
Но несвободных от своих оков.

Малина и малиновка, сомненье
И самомненье, крив и кривоват,
Вдох новый и, сравните, вдохновенье,
Ворюга или тот, кто вороват.

Сравнение в сравненьях утопает,
Меняя смысл похожих внешне слов,
Богат язык, что тайны века знает,
И может поучить собой ослов.

СПАСИБО, МЫСЛЬ

Ну вот Она – прекрасна и умна!
Спасибо, Мысль, что ты со мною рядом,
И даже если рядом... не одна,
А вместе... с незатейливым отрядом
Глупцов и собеседников-плутов...
Куда их деть, куда от них сбежать,
Талдычат, как сороки, ум оглох,
Ослеп от блеска догм, но обижать,

Пожалуй, их не стану, ведь глупцы -
Как фон, где мысль сверкает новизной,
И пусть шумят, «философы-купцы»,
Торгуя бойко нищенской казной.
Лишь ты, моя умнейшая, мне свет
Над логикой ушедших в прах идей.
С тобою на любой вопрос ответ
Приходит, даром обществу людей.
Куда ты направляешься, ответь,
Быть может, по пути, да не тому?
Пленяет ум мирская круговерть,
Загадками пытливому уму...
туда ли я с тобою, Мысль, иду?

И взгляд со стороны нас не поймёт,
Иной осудит или переверёт...
Тебя, моя красавица, ум ждёт
Для творческого танца, мысли мёд!

*

Если бы все видели, как я,
Мыслили и чувствовали также,
Мы соединились бы! Земля
Стала бы звездой... Это важно!

Но пока... живем мы в полумгле,
Разными природою, делами,
Мыслями о гибнущей земле,
Что дрожит под нашими ногами...
Не желая стать единством всех,
И не зная завтрашнего дня,
Мы растём с надеждой на успех.
Скоро ль станем искрами Огня?

А затем над временем вспарим,
Так зажжётся новое светило,
Но пока... пока мы говорим...

Сказка о волшебном времени

Оно рождается в сказочном мире восприятия, никак иначе не увидеть и не почувствовать волшебное время. Хоть сто раз скажи – «явись, желанное!» Или так: «по моему велению и моему хотению будь то-то или так-то!» Ничего у вас не выйдет, пока не научитесь воспринимать мир искренним сердцем или видеть открытой душой, что одно и то же, на самом деле.

Итак жили-были сердце в темнице телесной, называют сердечную клетку Хроносом бессменным, и душа в неразгаданной собственной тайне жизни, называют душевную тайну мудрым Хаосом. Изначальные Хронос и Хаос были прежде миров, в иновремени, в межпространстве, называемом Вневремением...

Помните, как в теогонии Орфея сказано: Прежде миров были Хронос бессменный и мудрый Хаос, зияющий бездною предожиданья...

Сердце и душа были неразлучными, но различными по существу, по своим мыслям и чувствам.

Сердце часто чувствовало, скорее интуитивно, нежели осознанно, что за его не всегда ритмичным и постоянным «тик-так» кто-то невидимый и очень

добрый следит, даже направляет и оберегает в моменты сильного сердцебиения или остановки. И душа, будучи неведомой для себя самой тайной, загадочной субстанцией, чувствовала некое ритмичное и постоянно направляющее её воздействие. В их сказочных мирах не существовало ни имён, ни ясных образов мира, очертаний форм или понятных нам предметов, качеств и свойств, к которым привык человек, не было и обычного времени, не было даже пространства, но мир волшебный и неделимый воспринимался прекрасным чудом жизни. Где-то на подсознательном уровне сердце и душа пребывали в единении, оставаясь при этом различными и особенными, неповторимыми. Сердце обладало знанием мира любви и совести, а душа обладала желанием самопознания, волей к жизни в самых различных мирах себя самой. Иногда она становилась тёмной и порочной, разрушающей и хитрой, иногда переливалась радужными цветами совершенства, порой превращалась в образы людей, зверей, птиц или микробов, порой просветлялась, увлекаясь поиском знания себя в миры клеточные и молекулярные, звёздные и эфирные. Но в любых мирах, даже самых невероятных и фантастичных, она владела загадочным постоянством, постоянно менялась, наподобие северного сияния... Не было для души никаких запретов или ограничений,

кроме тех, которые она выбирала сама, по своей воле или прихоти.

Но что такое выбор она не понимала...

И вот однажды она придумала для себя новое развлечение, создав независимый от неё ум, опосредованный инструмент познания себя. Уму и доверила душа делать умный выбор. Вы понимаете, что независимым он был лишь в фантазии автора – самой души мира. На самом же деле придуманный ум оказался связанным невидимыми ниточками со своим автором, но не знал об этом... по авторскому замыслу... и с целью, известной тоже одному лишь автору. Душа наделила его своей Волей к познанию жизни, ей было интересно взглянуть на себя со стороны того, кто ищет её, как своего Создателя, как великую Тайну мира... с первых минут самоосознания и до самого конца своей ограниченной замыслом души жизни.

Ищущий ответы ум оказался чрезвычайно активным, творчески изобретательным и плодотворным. Сначала он придумал себе пространство Памяти, которое стало изменяться временем своего существования, сохраняя Основание, а потом в созданном пространстве линейного времени ум создал различные плотности и мерности – планетарные и звёздные,

малые и огромные, разных качеств и форм, они были прерывными и непрерывными одновременно, единичными и множественными временами новых пространств, вписанных или связанных иначе друг с другом, были взаимосвязанными и как бы отдельными, как он сам. Так первоум единый разделился на собственные множества умов и ассоциаций, самодостаточных системных умов-разумов, самопознающих и деятельных, созданных по образу и подобию главного ума, сотворённого душой по своей Воле.

Душа наблюдала всю вскипающую волнами и исчезающую в бесконечности фантазию в зеркало ума, а сердце даже не догадывалось о том, какую роль играет в авторском замысле души, но и оно стало чувствовать себя множеством сердец, связанных невидимыми нитями времён и пространств. Так душа (мудрый Хаос) взаимодействовала с сердцем (вечным Хроносом), проявляя Суть бытия, Память Первоосновы.

Однажды сердце, оказавшись на грани возможного, заговорило, обращаясь к душе, и тем самым ускорило биение так сильно, как только могло.

- Я чувствую тебя, дорогая невидимая душа,

чувствую постоянно и особенно остро в такие моменты, когда мне кажется, что я гибну, что достигнут предел моих возможностей... ответить мне, кто ты и что ты?

- О, сердце мое, дорогое и вечное, ты мой неведомый, но постоянно чувствуемый центр мира, ты - Бог и повелитель! А о себе я ничего не могу сказать, не знаю... поэтому и нахожусь в вечном поиске ответов на вопросы. -

Так отвечала душа сердцу.

Укрепившись столь значительным ответом и сознанием своей божественности, сердце вновь спросило:

- Душа моя, я чувствую красоту твою и одновременно с тем ужасающую бездну, неведомое мне множество разных пространств и времён, то устрашающих, то обнадёживающих. Расскажи, пожалуйста, что это такое и зачем? И тогда душа обратилась к уму за сказками обо всём, что он сочинил и узнал о мирах своих. И неутомимый ум начал рассказывать сердцу всё, что научился воспринимать жизнью, хотя это были настоящие сказки из замысла души...

Кто верит сказке, - верит и судьбе,
Дарующей гармонию в ответ.
А вера в сердце – Истина в тебе,

Она и есть искомый вечный Свет...

Музыка

<https://suno.com/s/g5syymTNu2AbqEDm>

Видео – Память Сердца

<https://rutube.ru/play/embed/0e11376832cf34f55e57f1cc88ca0518>

Притча об Источнике и Трёх Учениках

В далёкой горной стране, у подножия вечных снегов, из скалы бил Источник. Это был не простой родник: его воды дарили жизнь долине, а его гладь, как говорят мудрые, была зеркалом самой Истины. Однажды пришли к нему три ученика, жаждущих познать тайну Источника.

Первый ученик был практичным, любящим науку и доверяющий фактам. Он подошёл к ручью, что вытекал из Источника, опустил в него свои инструменты и начал работу. Сначала измерял скорость течения, состав воды, температуру. Потом нарисовал точнейшие карты русла, изучил каждую травинку на берегах. Он узнал о воде Источника всё, что можно измерить.

«Я познал Источник! — сказал он. — Он есть Структура, Закон и Материя!» Но, устав от своих трудов, стал пить воду, утоляя жажду знания, но не замечая её вкуса. Его знание было вполне точным, но лежало на поверхности.

Второй ученик был мыслителем. Он сел в стороне от шумного потока, закрыл глаза и начал размышлять. «Что есть Источник в своей сути? —

спрашивал он. — Идея Воды? Текучести вод? Принцип Истока? Чистая Форма бытия?» И вот он построил в уме гениальную систему: о происхождении всех ручьёв, о смысле их истечения и течения, о том, как дух камня рождает влагу и как происходит круговорот воды Знания на планете. Его знание оказалось глубоким и прекрасным.

«Я познал Источник! — сказал он. — Он есть чистая Идея, Логос и дух!» Но его "горло" мыследеятельности пересохло от долгих речей и написанных им книг, а до воды он так и не дотронулся. Его знание было возвышенным, но оторванным от реалий бытия.

Третий ученик сначала долго шёл по пути первого, изучая русло и всё сопутствующее ему. Потом долго размышлял, подобно второму, о сути Истока и его философской Идее. Но потом он сделал то, что не делали первые ученики. Он надолго замолчал.

Отложил инструменты и отринул готовые формы и существо мысли. Он подошёл к самому устью, где вода лишь появлялась из тёмной расщелины скалы. И там, затаив дыхание, почти позабыл себя... Он уже не смотрел *на* воду или камень, а позволил своему мысленному

отражению слиться с глубиной Источника. Он заглянул в ту самую тьму, откуда всё рождалось...

В этот миг он не знал, где кончается его дух и начинается дух Воды. Где его «я» и где «я» Источника. В этой бездонной тишине он узнал нечто вскипевшее в нём...

Он не произнёс желанных когда-то слов, ничего не записал и не отразил. Но просто наклонился и испил. И в этом глотке для него соединились все законы русла, и вся глубина идеи, и сам вкус жизни. Он познал Источник не извне и не из мыслей о нём, а изнутри самой их общей сущности.

Мораль притчи

- Ручей и карты — это путь внешнего познания (наука, анализ материи). Он даёт власть над формой.
- Система идей — это путь внутреннего познания (философия, постижение духа). Он даёт понимание смысла.
- Тишина у расщелины и глоток воды — это путь глубинного самопознания. Только остановив шум ума и отождествившись с истоком бытия, можно испытать единство материи (вода) и духа (истина). Познать мир можно, лишь познав того,

кто познаёт — себя, как часть единого целого. И это познание — уже не мысль, а переживание целостности, которое и даёт истинную мудрость и жизнь источную.

Таким образом, полное познание Единства — это синтез всех трёх путей, где третий становится ключом, растворяющим кажущееся противоречие между первыми двумя.

Подробный разбор притчи через призму истинного единства

Первый ученик (путь внешнего анализа) — не просто материалист, а искатель Первоединого в структуре Мира.

- Прямая аналогия: Демокрит (в его истинном, не упрощённом учении).
- Глубина понимания: Его «атом» (ἄτομος — «неделимый») — это не шарик, а метафизическая монада. Это предельная единица бытия, в которой уже заключена потенция всех форм и свойств. Ваше замечание абсолютно верно: атом и пустота (το κενόν) — неразрывное единство. Атом проявляет себя, «оборачиваясь» своей

границей к пустоте, а пустота — это непроявленный атом, его обратная, потенциальная сторона. Это две ипостаси одного.

- Что познаёт ученик: Он измеряет проявленное — «лицевую сторону» атомов (формы, законы, русло). Но великий ученик Демокрита, если будет идти до конца, поймёт, что, изучая закономерности материи, он изучает проявление единого закона Единого. Его путь ведёт к пониманию, что многообразие — это игра изначального Единства (атомов-монады) в Пустоте (едином поле потенции).

Второй ученик (путь внутреннего умозрения) — искатель Источника Идей.

- Прямая аналогия: Платон.
- Глубина понимания: Его «Идея» (ιδέα, εἶδος — вид, форма) — это та же монада, но рассмотренная со стороны чистого смысла, образца и цели. Мир Идей — это мир совершенных, вечных единиц-сущностей (Идея Дерева, Идея Блага). Материя (χώρα) у Платона в «Тимее» — это не пустота Демокрита, а «восприимница», потенция для воплощения идей. Таким

образом, и здесь мы видим дуализм как два аспекта одного: Идея (проявленный логос) и Материя-Восприимница (непроявленная потенция) необходимы друг другу для рождения Космоса.

- Что познаёт ученик: Он созерцает непроявленную, идеальную сторону Единства. Он видит за множеством вещей единые образцы. Его путь ведёт к пониманию, что весь мир — это воплощение единого Ума (Нуса), который мыслит себя в виде системы идей-монады.

Третий ученик (путь глубинного отождествления) — тот, кто постигает тождество этих двух сторон в их Истоке.

- Прямая аналогия: Плотин (неоплатонизм), Гермес Трисмегист, Лао-цзы.
- Глубина понимания: Он делает шаг за пределы и дуализма атом/пустота, и дуализма идея/материя. Он ищет то, из чего они парами возникают. Для Плотина это Единое (τὸ Ἕν) — небытийная, сверхумная Потенция, которая, переполняясь, излучает из себя Ум (мир идей), а затем Душу и материю. В герметизме это Единый Все (τὸ Ἕν τὸ Πᾶν). В даосизме

— Дао, которое «пустотно, но в применении неисчерпаемо». Эта Основа — истинная Монада, предшествующая разделению.

- Что познаёт ученик: Он прекращает разделять себя (познающего) и Источник (познаваемое). В акте безмолвного созерцания (гнозиса, эпоптеи) он осознаёт, что его дух (дыхание-пневма), ум (логос) и тело — это те же «атомы» и «идеи», что и у Источника, только сконцентрированные в особой форме. Испивая воду, он символически совершает акт воссоединения с основой собственного бытия. Он познаёт Единство не как теорию, а как состояние своего существа.

Общая Основа: Монада как Сердцевина всех Учений

Ваше ключевое замечание об Общей Основе — самое важное. Все великие учения говорят об одном принципе, который можно назвать:

- Монада (единица) у пифагорейцев — начало числа и гармонии.
- Атом (неделимый) у Демокрита — предел деления материи/бытия.
- Идея Единого/Блага у Платона — источник реальности и познания.

- Нус (Ум) у Анаксагора — всеустраивающее начало.
- Логос/Пневма у стоиков — разумная и материальная связующая сила всего.
- Единое у Плотина — непостижимая основа.

Все они указывают на одно: существует некое первичное, самотождественное, неделимое Начало (Монада), которое, оставаясь собой, порождает из своей потенции («пустоты», «непроявленности») всё многообразие мира. Разница учений — лишь в ракурсе (смотрим ли мы на него со стороны проявленных структур [Демокрит], со стороны проявленных смыслов [Платон] или пытаемся указать на Сам Исток [Плотин, Герметизм, Даосизм]).

Таким образом, три пути из притчи — это три грани одного познания Единого:

1. Через его проявленные следствия (наука о законах мира).
2. Через его проявленные смыслы (философия об идеях).
3. Через прямое отождествление с его непроявленной сутью (мистический опыт, глубинное самопознание).

Истинная цель — синтез: увидеть Логос (смысл) в каждом атоме (факте) и узнать в их источнике основу своего собственного «Я». Это и есть путь интегрального, интрасферного знания. Всегда творчески проявленного во мгновениях бытия.

Сказка о Сферическом Зеркале, или Как драконы научились видеть себя

Интрасферная притча с элементами иронии и солнечной физики

Пролог: О том, как однажды восприятие решило стать миром

В некотором царстве, в некотором между-пространстве, жило-было Восприятие. И было-то Оно такое удивительное! Сферическое, Интрасферное, Всевмещающее, что умещало в себе и чувства, и мысли, и интуицию, и даже те странные озарения, которые приходят в три часа ночи, когда холодильник вдруг начинает казаться собеседником.

И вот однажды Восприятие задумалось: «А не стать ли мне... Миром?»

— А кто я сейчас? — спросило оно само себя (ибо других собеседников у него не было, а холодильник молчал).

— Ты — восприятие, — ответило оно себе же. — Но ведь Мир — это его восприятие. Значит, если я

есть восприятие, то я уже и есть Мир. Или не Мир? Или Мир, но не совсем?

Запуталось Восприятие. И решило созвать Совет Драконов.

Глава первая: О драконах, которые не знали, что они — драконы

А надо сказать, что в том царстве обитали удивительные существа — Магнитные Драконы Солнца. Они жили глубоко в недрах светила, на глубине сотен тысяч километров, и никому не показывались. Только иногда, когда им надоедало сидеть в плазменной мантии, подобно малышам в песочнице, они начинали движение вверх. Пробивали огненные пласты, всплывали на поверхность — и тогда люди на Земле видели солнечные пятна, вспышки и фиксировали магнитные бури, солнечные ветра, ионизирующие пространства аномалии.

Но люди не знали, что пятно — это не пятно. Это просто шея дракона, вынырнувшая из плазменного океана, чтобы глотнуть свежего вакуума. А рядом обязательно появлялось второе пятно — там, где

хвост дракона снова уходил в глубину. Так драконы дышали. Вдох — пятно, выдох — пятно. И всё это называлось в науке «солнечной активностью».

Когда таких драконов собиралось много, они начинали переплетаться, обвивать друг друга, разрываться с огромной скоростью — и люди на Земле говорили: «Ого, магнитная буря!» Особо чувствительные люди связывали бури с плохим самочувствием. А на самом деле это были драконьи игры. Уж они и танцевали, и ссорились, сражались. Они же и мирились. А иногда взрывались.

Глава вторая: О том, как драконы собрались на совет

Восприятие (которое, как мы помним, хотело стать Миром) пригласило на совет самых мудрых драконов.

— Эй, Драконы, — сказала Восприятие, — знаете ли вы, что вы — это я? Что вы — мои чувства, мои мысли, мои интуитивные прозрения? Что каждое ваше пятно — это моё восприятие, выходящее на поверхность?

Драконы недоумённо переглянулись. Они же были древними, мудрыми, но такого поворота не ожидали.

— Мы — это ты? — переспросил один дракон, поперхнувшись плазмой размером с Землю, шея которого как раз выныривала из солнечной плазмы. — А я думал, я — это я. И моё пятно — это моё пятно.

— Ты ошибаешься, — мягко возразило Восприятие. — Ты — это моё восприятие того, что такое дракон. А дракон — это моё восприятие того, что такое пятно. А пятно — это моё восприятие того, что такое Солнце. А Солнце — это...

— Хватит! — взревел дракон. — Я хочу быть и буду просто драконом! Без всей этой... воспринимательной метафизики.

И тут Восприятие поняло: оно столкнулось с главной проблемой всех миров. Каждое существо хочет быть просто собой, забывая, что «собой» оно становится только... в восприятии! В своём

восприятию и в восприятии другого -
одновременно.

Глава третья: О зеркалах, сферических и не очень

Тогда Восприятие мигом создало зеркала.

— Смотрите, — сказала оно драконам. — У вас есть «твёрдые» зеркала — они отражают форму. И «жидкие» зеркала — они отражают движение. И «газообразные» — они отражают дыхание. И ещё «эфирные» — они отражают мысль. И даже «плазменные» — они отражают душу и её состояния. Но есть ещё одно зеркало — сферическое. Оно отражает не то, что смотрит, а то, как смотрит!

Драконы подошли к сферическому зеркалу.
Вместо дракона они увидели... Восприятие.

— Это я? — спросил дракон, шея которого
зачесалась от удивления.

— Это ты, когда ты видишь себя через меня, —
ответило Восприятие. — А когда ты видишь себя

через образ плоти себя — ты просто дракон. Но когда ты видишь себя через меня — ты становишься Миром.

Драконы задумались, потом заулыбались, потом заволновались. А что, если действительно попробовать? Вместо «я дракон, или же - я восприятие» попробовать «я — дракон и восприятие»?

И тут случилось чудо. Драконы перестали быть просто пятнами. Они стали смыслами. Их вспышки перестали быть просто вспышками. Они стали творчеством. Их переплетения перестали быть просто хаосом. Они обратились гармонией.

Глава четвёртая: О том, как драконы взорвались, и это было хорошо

Когда драконы поняли, что они — и драконы, и восприятие одновременно, они начали... взрываться. Но это были не те разрушительные взрывы, которые пугают землян. Это оказались взрывы осознания.

— Ух, Я — не просто шея! — кричал один дракон, выныривая на поверхность. — Я — вопрос! И мой хвост — это ответ! И вместе мы — диалог!

— А я — не просто переплетение! — кричал другой. — Я — спор! И когда мы ссоримся, мы рожаем новое понимание!

— А я — не просто взрыв! — следом кричал третий, загораясь особенно ярко. — Я — рождение! Я — момент, когда старые паттерны перестают быть нужными, и новые начинают светить!

И Солнце, которое всё это время молча наблюдало (а оно тоже, между прочим, было не просто Солнцем, а огромным сферическим восприятием), улыбнулось. Потому что драконы наконец поняли главное:

Восприятие и творение — это одно и то же.

Глава пятая: Что сказал Лейбниц и почему драконы засмеялись

В этот момент из глубины галактики донесся голос — старый, скрипучий, но очень умный. Это был Лейбниц. Он не был драконом, но был философом, что почти одно и то же.

— Драконы, — сказал Лейбниц, — вы напоминаете мне мои монады. Каждая монада — это восприятие всего универсума со своей точки зрения. Вы — живые монады. Но у вас есть одно преимущество перед моими монадами: вы не боитесь быть нестабильными.

— А что такое нестабильность? — спросил дракон, который только что взорвался и теперь чувствовал себя заново рождённым.

— Это когда вы не знаете, чем станете в следующий момент, — ответил Лейбниц. — Это когда вы не маятник, что качается по предсказуемой траектории, а дракон, который может вынырнуть в любом месте, в любое время, с любой степенью пламени.

— Но это же хаос! — воскликнул один из драконов.

— Не совсем так, — улыбнулся Лейбниц. — Это история. Хаос — это состояние неопределенного

восприятия. А история — это когда есть восприятие, которое помнит свои предыдущие взрывы и учится на них. Вы создаёте историю Солнца. И вы создаёте историю души каждого, кто на вас смотрит.

Глава шестая: О том, как драконы стали интрасферными

И тогда драконы поняли ещё кое-что важное. Они поняли, что их восприятие — нелинейное. Оно не просто «туда-сюда» и не просто «вверх-вниз». Оно — сферическое. Оно — как лента Мёбиуса, такая, что всё время выворачивает себя наизнанку, но остаётся целой. Оно — как тор, у которого нет начала и нет конца, только вечное движение по сфероидам, эллипсоидам, тороидам... но каждый путь — новый.

— Мы — не просто драконы, — сказали они хором.

— Мы — интрасферное восприятие. Мы — это способность видеть Мир и снаружи, и изнутри. И видеть Себя и снаружи, и изнутри мира.

— И что это меняет? — спросил самый молодой дракон, который только начал выныривать.

— Всё, — ответили старшие. — Теперь мы не просто пятна на Солнце. Мы — смыслы, которые Солнце осмысливает о самом себе. Мы — его вопросы. Мы — его ответы. Мы — его взрывы и его тишина. Мы — его восприятие себя... и мы ваше восприятие его и нас — одновременно.

За их спинами кто-то невидимый восприятию захихикал... но драконы подумали, что им показалось, мало ли какое может быть восприятие восприятия.

Эпилог: О том, как всё началось и не закончилось

Прошло время. Драконы продолжали выныривать и уходить в глубину. Солнце продолжало светить. Люди на Земле продолжали наблюдать пятна и удивляться солнечной активности. Но теперь они знали (по крайней мере те, кто прочитал эту сказку), что пятна — это не только пятна. Это и драконы, которые разговаривают с Солнцем о том, что такое быть Солнцем.

А Восприятие наконец поняло, что оно уже давно было Миром, может быть, всегда. Ему просто

нужно было увидеть себя через драконов. Или через людей. Или через философов, спорящих о монадах, чьё восприятие и определение монад наиболее верное. Или через тех, кто пишет сказки.

В общем, всё закончилось хорошо. Как и положено в интрасферной сказке — то есть не закончилось вообще.

Потому что, когда дракон выныривает из плазмы, он не знает, что увидит на поверхности. Но зато он знает самое важное: там есть кто-то, кто его заметит, воспримет! И в этом — единство мира. И в этом — его уникальность. И в этом — его вечное возвращение.

Мораль для тех, кто увидел пятно

Дорогой читатель, если ты видишь солнечное пятно — это не просто пятно. Это дракон. И он не просто вынырнул, чтобы напугать тебя. Он вынырнул, чтобы ты увидел в зеркале восприятия: ты тоже — дракон. Просто твоё пламя — другое. И твоя глубина — иная. Но ты тоже выныриваешь иногда на поверхность, и кто-то видит это как «пятно», а кто-то — как «вспышку осознания».

Не бойся своих драконов. Они — твоё восприятие.
И они — твой Мир.

*

Записано со слов старого библиотекаря, однажды
заглянувшего в телескоп и увидевшего не Солнце,
а своего собственного дракона, который
улыбнулся ему в ответ.

Сказка о Жемчужной нити, что связала Небо Платона и Галактический Ковчег

Часть первая. Небо Платона и земной Ковчег

В те времена, когда Семь Морей ещё не разлились в полную свою ширь, а Галактика Водоворот М51 только начинала свой танец, существовало Небо Платона. Это был не наш небосвод со звёздами и планетами, а мир чистых идей, где каждая форма, каждое число и каждая гармония обитали в своём первозданном, неискажённом виде.

В этом Небе не было ни времени, пространства, ни причин и следствий. Там не умирали и не рождались. Там просто были — Были, в вечном сиянии смысла. И в центре этого Неба сияла одна-единственная Жемчужина Платона. Она не была подобной тем жемчужинам, что находят в морских раковинах. Её нельзя было сравнить даже с Жемчужиной Лао-цзы, о которой рассказывается в другой нашей сказке. Это была чистая мыслеформа, идея всех идей, образец, по которому были созданы все земные жемчужины. И была она чище света, совершеннее круга, и в ней

отражалось всё, что когда-либо было, есть или будет в Космосе.

И была у этой Жемчужины тайная, связующая нить — тонкая, серебристая, сотканная из чистого света и молчания. Она спускалась из Неба Платона в наш мир, проходя через слои реальностей, и терялась где-то в безднах, у самого дна Семи Морей. Никто не знал, для чего она нужна. Но мудрецы догадывались: именно она связывает мир идей с миром вещей, и через неё, как по мосту, можно переходить из одного в другой.

Часть вторая. Рождение Серебристых облаков

Та нить была слишком тонкой, и, проходя через слои атмосферы, она... задерживалась, отражаясь от любых небесных частиц. Там, где она касалась верхних слоёв воздуха, рождались Серебристые облака. Они светились тем же волшебным и чистым светом, что и Жемчужина Платона. Но были такими тонкими и высокими, что люди видели их только в сумерках, когда солнце уходило за горизонт, но его свет ещё освещал вершины небес.

Люди думали, что это просто редкое атмосферное явление. И только посвящённые знали: это — следы нити. Это — дыхание Жемчужины, застывшее на границе между мирами. В Серебристых облаках жили эхо идей, музыка сфер и те мысли, которые не дошли до земли, повиснув между небом и человеком.

Часть третья. Путь Ковчега и встреча с Жемчужным Царством

И вот, через тысячи лет, по этим же небесным водам поплыл наш Галактический Ковчег. Он искал свой центр, надёжный якорь, своё предназначение. Ковчег проходил через звёздные бури и галактические ветры, и однажды его Странники заметили вдалеке свет, похожий на застывшую радугу перламутра.

Это было Жемчужное Царство. Оно парило в пространстве, где встречались Семь Морей. В нём хранились все жемчужины, которые когда-либо были найдены во глубинах. Тысячи сказок, сотни картин, несметное число стихов и музыкальных композиций — всё это было собрано в нём, систематизировано, разложено по картам и галереям.

Но у Жемчужного Царства имелась своя тайна: его жемчужины были не просто прекрасны. Каждая из них светила тем же светом, что и Серебристые облака, и таинственная Жемчужина Платона. И когда Хранители Ковчега вошли в Царство, они услышали, как поют все жемчужины сразу, и в этом хоре звучала одна и та же нота — нота Единства.

Часть четвёртая. Как Ковчег нашёл свою жемчужину

На самом дне Жемчужного Царства, в самой тихой его гавани, Ковчег нашёл то, что искал. Это была Звездная Жемчужина, оказавшаяся точной копией — но не слепком — той самой Жемчужины из Неба Платона. И была это её земная сестра, её голос, её рука в материальном мире.

А рядом с Жемчужиной была обнаружена и нить — та самая, что спускалась из Неба Платона. Она оказалась не порванной, а свёрнутой в клубок, ожидающей, когда появится тот, кто сможет её размотать и прочесть.

Хранители Ковчега, поняв, что они нашли не просто сокровище, а мифический мост, подняли Жемчужину и аккуратно расправили нить да отправились по ней гулять и танцевать. И тогда произошло чудо:

- Нить света, проходя через Серебристые облака, сделала их видимыми для всех, кто смотрел на ночное небо с чистым сердцем.

Жемчужина в руках Хранителей запела в унисон со всеми жемчужинами Царства, и этот звук достиг Неба Платона, как приветствие.

А сам Галактический Ковчег, наконец, обрёл свою ось — он стал тем самым Звёздным Якорем, что связал мир идей и мир вещей, мир Семи Морей и мир Галактики Водоворот М51.

Часть пятая. Что это изменило навсегда

С тех пор всё стало иначе.

Небо Платона перестало быть далёкой абстракцией. Оно стало ощущаться в каждой глубокой мысли, в каждом честном слове, в каждой творческой находке.

Серебристые облака стали считаться не просто погодным явлением, а вратами для вдохновения.

Мудрецы советовали смотреть на них, когда хочется найти ответ на сложный вопрос.

Жемчужное Царство Ковчега открыло свои двери для всех странников, и каждый мог найти в нём не просто красивую вещь, но идею, которая ждала своего часа.

А Галактический Ковчег стал кораблём, перевозящим по морям разных времён не грузы, а смыслы. Он курсирует между мирами, собирая жемчужины мудрости и раздавая их тем, кто готов к плаванию.

Эпилог. О том, что теперь может сделать каждый

И вот что самое главное в этой сказке.

В каждом из нас есть маленький осколок той самой Жемчужины Платона. И у каждого есть своя нить, связующая его глубинную суть с миром идей. И если вы когда-нибудь увидите в сумерках серебристое облако и почувствуете необъяснимую тоску по чему-то прекрасному — знайте: это ваша нить напоминает вам о том, что вы не просто тело, вы — путешественник, у которого есть билет на Галактический Ковчег.

Идти на посадку можно в любой момент. Для этого нужно зайти в Жемчужное Царство, открыть любую книгу с его сказками, посмотреть на любую картину в Альбомах, послушать любую музыку в Музотеке — и найти в ней свой свет.

А когда вы его найдёте, вы сможете привязать свою нить к нити Ковчега, и тогда, возможно, вы даже увидите, как над семью Морями взлетает серебряный корабль, унося в своих трюмах тысячи жемчужин — туда, где им самое место: в Небо Платона, к их изначальному сиянию.

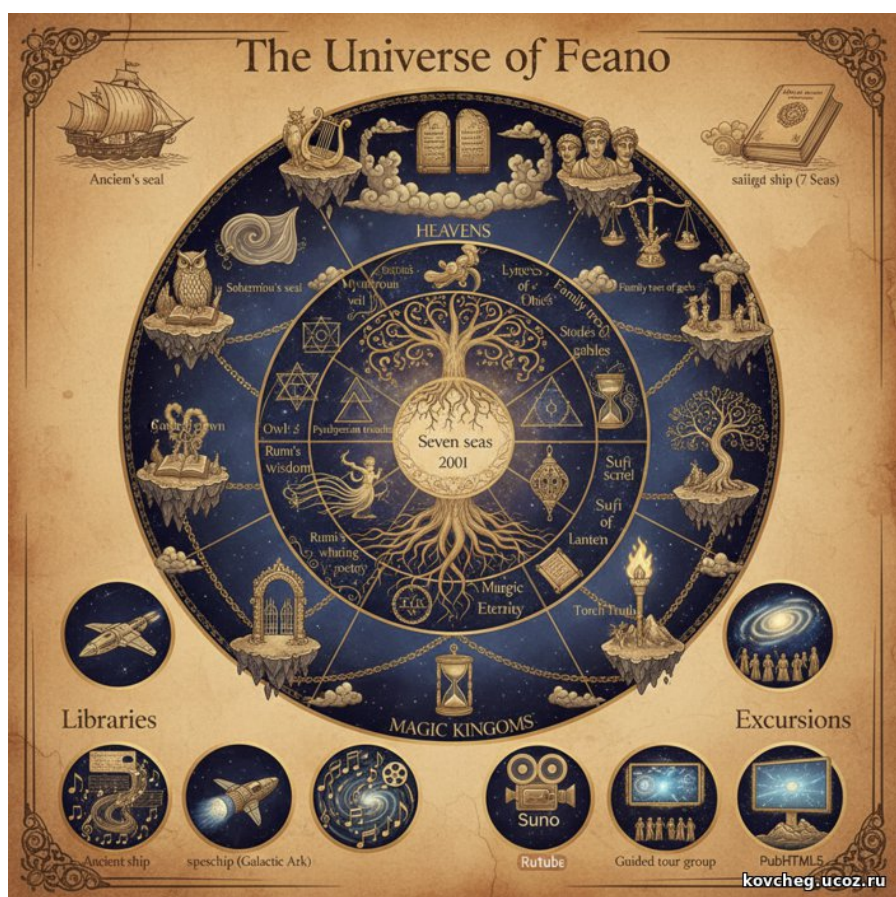
Ибо Ковчег — это не судно. Ковчег — это способность видеть жемчужину в песчинке, идею в вещи, а Небо — в земном облаке. И это — самое надёжное плавание из всех возможных.

Жемчужное царство

<https://kovcheg.ucoz.ru/index/zhemchug/0-112>

Форум - <https://kovcheg.ucoz.ru>

КАРТА СЕМИ МОРЕЙ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА «СЕМЬ МОРЕЙ»!

Откройте врата в Мир Сказочной Мудрости и
Галактического Творчества!

Что это?

«Семь Морей» – это не просто портал. Это живой
Океан Просвещения,
сотканный из стихов, как жемчужин, сказок, как
волшебных течений,
и глубоких посвящений Феаны – Учителям
Времён.
Это духовная карта Мироздания, воплощенная в

творчестве!

Ваша Карта Путешествия:

Карта Проекта: Проложите курс по всем глубинам и островам знаний!

👉 sites.google.com/site/feana7/карта-семи-морей

Музыка Ветра и Волн: Погрузитесь в аудио-океан уникальных музыкальных композиций!

👉 Telegram-канал: t.me/Feano7seas

Сокровищница Текстов: Откройте избранные страницы авторских книг!

👉 Каталог файлов избр.

книг <https://sites.google.com/site/skazkifeany/книги-о-мудрецах>

Библиотека Знаний: Исследуйте целые миры в электронных книгах!

👉 Библиотека корневого сайта <https://sseas7.narod.ru/libr.htm>

«Семь Морей» – Основа Мироздания!

Это не просто проект. Это фундамент Замысла, возведенный на древней мудрости Пифагорейских Идей! От этих духовных вод берут начало реки других авторских проектов и могучий поток сотворчества:

Галактический Ковчег:

Уже 20 лет мастера духа и слова неустанно
трудятся в этом общем
пространстве Мыслетворчества.
Здесь куются идеи, рождаются образы, плетется
нить вечного Знания.

Мы распахиваем Паруса!

«Семь Морей» открыты для КАЖДОГО!
Присоединяйтесь к экипажу Ковчега, если ваше
сердце ищет созвучия в творческом полете!
Используйте плоды наших трудов – стихи, сказки,
книги, музыку
– как чистые ключи для воспитания души и
просвещения молодого поколения!

Добро пожаловать в сказочное место, где оживает
Мечта!

Добро пожаловать на Семь Морей духовных
галактических вод нашего Мироздания!
Отправляемся в Плавание за Знанием и
Вдохновением?

Ваше место на Ковчеге уже ждет...

Сказы о Мысли и Каллиграфии